

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

Заложник

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Заложник

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Заложник / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Жители элитного поселка чуть было не стали жертвами авиационной катастрофы. Лишь чудом пилот экспериментального самолета сумел отвести падающую машину в сторону. Летчик погиб, спасая людей. Он совершил подвиг, но кое-кто считает иначе. И тогда к расследованию причин катастрофы подключается «важняк» Александр Турецкий, для которого установление истины – не только профессиональная необходимость, но и дело чести.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	10
3	12
4	16
5	20
6	27
7	32
8	39
9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фридрих Незнанский

Заложник

1

...И поглядел он на дело рук и ума своего, и подтвердил, что все правильно, этим и должно было закончиться...

Ну-ну, Александр Борисович, ты давай полегче, не зарывайся! Не Вездесущий, однако! Это ведь только Моисею, не ведавшему имени отца своего, разрешили – свыше! – сообщить миру: «И увидел Бог, что это хорошо... И стало так».

А ты куда? Вполне достаточно спокойной и взвешенной констатации факта: долгая и напряженная работа объединенной следственной группы завершена, злой супротивник пал, потеряв ноги (то есть, как толкует словарь иностранных слов, преувеличенное чувство собственного достоинства, высокомерие, заносчивость, спесь) и схлопотав себе при этом вполне приличный срок. Нечасто подобные расследования заканчиваются таким вот образом. Обычно в самый последний момент начинают скрипеть пресловутые «тормоза», включаются мобильные телефоны, возникают буквально из ниоткуда проблемы государственной целесообразности, после чего вся твоя доказательная база не стоит и выеденного яйца.

С этими возвышенными и одновременно обидно-горькими мыслями руководитель группы, старший следователь Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры, государственный советник юстиции третьего класса А. Б. Турецкий и покинул здание Верховного суда на Поварской с безвольно поникшим от дневной жары триколором Российской Федерации.

Оглянулся, посмотрел в сторону неба над фронтоном и поморщился: громоздко, но не впечатляет. Вот в Штатах, где приходилось по долгу службы бывать неоднократно, там впечатляет. Там уж действительно Дворец правосудия, иначе и не скажешь, с куполом и величественной лестницей. А здесь, дома, почему-то постоянный ремонт, обшарпанные строительные леса, серость и вообще полный мрак. Словом, не Рио-де-Жанейро, как выражался великий Остап. Подумалось: а ведь все верно, какой дворец, такое в нем и правосудие. Хотя на этот раз жаловаться вроде бы и грех. Ну-ну...

Вдоль фасада выстроился бесконечный ряд «мерседесов», БМВ, «вольво», «тойот» с теми же триколорами на номерных знаках. Такие же «крутые» машины теснились и у противоположного тротуара. Новенькая «Лада-десятка» Турецкого, нахально втиснувшаяся между обгоревшими от собственной значительности японскими джипами, все равно выглядела жалкой сиротиночкой среди богатых родственников.

– Саша, не гони лошадей! Дай хоть руку пожать! Рад тебя видеть! – услышал он вдруг справа от себя и повернулся на голос, ибо до этого смотрел влево, на движущийся плотным потоком транспорт, чтоб успеть перебежать через улицу между машинами. – Ну, привет, старик! Ты чего, не узнаешь, что ли? Забурел совсем? Обрати внимание на мое существование! – И мелкий, ненатурально радостный смешок.

Последняя фраза была определено из прошлого, из какого-то популярного в шестидесятых годах фильма.

Да узнал его, конечно, Турецкий. Толстый, но достаточно подвижный, с выбритой до бильярдного блеска лысиной, в элегантном «прикиде» и с крупным, игриво выставленным напоказ, сверкающим перстнем на левом мизинце, ей-богу, карата на три, не меньше, к Турецкому бодро держал путь не кто иной, как Игоряша. Хотя по нынешним временам его правильнее было бы называть исключительно глубокоуважаемым господином Залесским Игорем

Валентиновичем, банкиром и, естественно, олигархом, ничуть не меньше, иначе уважать себя не будешь! Вон ведь какие у тебя, оказывается, знакомые, Турецкий! А ты, получается, как бы нос воротишь? Как бы – любимое уточнение высоко причастных. Как бы думаю, как бы уважаю тебя, как бы помогу, если что...

А ведь его, этого Игоряшу Залесского, между прочим, держал в памяти Александр Борисович, раскручивая дело об уводе банковских миллиардов в офшоры. Но не в качестве подозреваемого там или свидетеля, а исключительно как одного из теневых конкурентов господина Новоселова, окончательно только что растерявшего ту самую «словарную» спесь в зале судебных заседаний. И уже безо всяких «как бы».

– Привет, привет, Игоряша, – добродушно откликнулся Турецкий. Ну что ж, раз тебе хочется по-простому, пусть так и будет. Мы тоже не прочь на «ты». – Если собираешься сказать мне... как бы спасибо, то совершенно зря! Видит Бог... Слушай, старина, я чего-то не секу, а разве ты имеешь отношение к тому делу? – Турецкий качнул головой в сторону здания суда. – Тогда почему ж я тебя в зале не видел?

– А я к Новоселову не причастен! – радостно вскинул руки Игоряша. – Ты про что, старик? Не, ну верно, помощи ты с моей стороны никакой не видел. Но ведь, прикинь, и помех тоже! Не так?

– А что, была возможность?

– Да никогда в жизни, старик! Это исключительно твоя собственная победа! Поэтому и прими мои как бы самые, так сказать, искренние...

– В последнем не сомневаюсь... – ухмыльнулся Турецкий.

Он увидел выбиравшихся из джипов «добрых молодцев» с непроницаемо-тупыми, характерными физиономиями и спросил:

– Слушай, а эти тебе зачем? Аудитория? Благодарные слушатели?

Игорь обернулся, хохотнул по поводу «аудитории» и небрежным взмахом ладони приказал охране убраться с глаз долой. Команда была исполнена вмиг. Игорь же укоризненно помотал головой и сказал, будто рассчитывая на сочувствие со стороны старого школьного товарища:

– Вот ведь, блин, заставь дураков Богу молиться!

Турецкий понимающе покивал, посочувствовал Игоряше, который вот прямо сейчас подойдет к нему и падет в объятия, изобразив радость от нечаянной встречи. Хотя, по идее, самое место ему находиться рядышком с тем же господином Новоселовым. В клетке, другими словами. За спиной у бригады адвокатов. Но сегодня там остался Новоселов, а вот Игоряша здесь. Однако даже если бы и был он в зале, то наверняка предпринял максимум усилий, чтобы казаться там невидимым. Незаметным и никому не известным. А теперь, когда было объявлено во всеуслышание, что руководство Верховного суда Российской Федерации оставило без удовлетворения просьбу господина Новоселова о принесении протеста в порядке надзора, Игоряша решил, конечно, что больше незачем скрывать своего бывшего знакомства со следователем... Может, он и прав. По-своему. Что еще случится? Ну, подаст этот ушлый Грозмани, руководитель адвокатской бригады, защищающей «Новоселова and company», апелляцию непосредственно Председателю Верховного суда, так это его неотъемлемое право. И даже обязанность! Иначе за что же ему сумасшедшие деньги платят? Но, полагал Александр Борисович, все это будет лишь очередной попыткой оттянуть время. Многолетний опыт подсказывал Турецкому, что вердикт суда окончательный, и отдыхать теперь господину Новоселову, согласно воистину бессмертному, а также судьбоносному выражению великого артиста Анатолия Папанова: «Т тебе посодють, а ты не воруй!» Если не случится чего-нибудь непредсказуемого, вроде всеобщей амнистии.

Турецкий стоял и дружелюбно, насколько позволяла совесть, улыбался. Игорь приблизился, несколько запыхавшись.

«М-да, а здоровьишко-то у тебя, старина, явно оставляет желать лучшего. Перебор, Игоряша, перебор... Да оно и понятно: треволнения, партнеры, которые держат тебя в таких „дружеских“ объятиях, что впору дух испустить, а тут еще этот процесс, с легкой руки газетной братвы названный „Делом олигархов“. Когда ж о себе-то думать?..»

Получилось таким образом, что, предъявляя обвинения Новоселову, «нагревшему» родимое государство, которое его, засранца, вспоило и выкормило, на баснословные бабки, Александр Борисович, сам того не желая, объективно поспособствовал тому, чтобы теперь именно Игоряша занял опустевшую нишу. Вот ведь как получается иной раз в жизни! А во время длительного судебного процесса они – знакомые с детства, но ничуть не больше – так ведь и не встретились. Да и вообще, до сей поры, если память не изменяет, всего и были-то одна или две встречи, случайные и ни к чему не обязывающие. А как процесс завершился, гляди-ка, чуть ли не друзьями оказались! Действительно, блин...

Турецкий понимал подоплеку интереса к себе.

– А позволь поинтересоваться, зачем ты приехал? Ну, я – понятно, здесь моя работа. А тебе это все на фиг нужно?

– Да, в общем, если честно, на тебя хотел посмотреть.

– А если нечестно? – Турецкий продолжал улыбаться, и, видит Бог, никто не смог бы его заподозрить в какой-нибудь бяке, приготовленной неожиданному собеседнику.

– Да то же самое! Я весь этот процесс в записи слушал. Дома у себя.

– Разве транслировали по телевидению?

– А ты, старик, по-прежнему остряк! – словно бы обрадовался Игоряша. – И всегда, сколько помню, таким был! Насмешник! Молодец, что не растерял лучших юношеских качеств. Это в наших кругах нынче большая редкость... – И он даже засопел огорченно.

– Что именно? Затянувшееся детство?

– Хорошо с тобой, Сашка! – воскликнул Игоряша. – Ой, извини, старик! Я так... фри-вольно с господином генералом от юстиции... Не обижаешься? Исключительно по старой памяти...

– Да чего там, – отмахнулся Турецкий.

– А я все к тому, что сегодня прежде всего именно твоя победа, господин «важняк». Так ведь тебя кличут? И друзья и враги? Вот, собственно, поэтому и подъехал... А результат, он был предсказуемым. Еще только началось, а я все понял. Отлично сработано, Саша! Без балды! Я б тебе, вообще, памятник при жизни...

– Но ведь я уже сказал, что ни чуточки не сомневаюсь в твоих теплых чувствах к моей незначительной персоне, – насмешливо перебил его Турецкий. – Только зачем же, друг мой Игоряша, так громко? И при посторонних? Ведь бог весть о чем подумают.

– Извини, не придавал значения. А ты прав, нет слов. Знаешь, о чем я хотел тебе сказать? – Он доверительно взял Турецкого за локоть. – Вот когда выступало обвинение, я, честное слово, ну прямо всем своим нутром услышал твой голос. Твои интонации, старик! Не поверишь?

– Ну почему же?

Лесть, какой бы она ни была, все равно приятна. Тем более Игорь сообразил уже, что его крики и восторги совсем не на пользу, и снизил тональность до громкого шепота:

– Ей-богу, не вру! Это забываемо. Слушай, а почему, кстати, тебя самого вчера в зале не было? Неужели неинтересно?

– Угадал, Игоряша. У меня это ваше общее дело во где! – Турецкий ткнул себя большим пальцем в кадык.

– Но почему «наше»? – сделал удивленные глаза Игорь.

– А-а, ты не знаешь?.. – наивно протянул Турецкий. – То-то ж я смотрю...

Однако Игорь не был намерен обсуждать такой поворот темы. Он сдержанно кашлянул в пухлый свой кулачок и сказал решительно, будто о самом главном, что вынашивал в себе во время судебного процесса:

– Я готов, впрочем, тебя понять, потому что увидел гигантский объем работы, которую ты, как следователь, провернул. И потом, все выглядело абсолютно достоверно и доказательно, без этого... понимаешь? – Он покрутил поднятой ладонью. – Без шуры-муры. Могу как бы голову дать на отсечение!

– Ну, о честности обвинителя лучше всего судить по самому обвинению. – Турецкий озорно хмыкнул.

– Недурно сказано! – оценил Игорь. – Сам придумал?

– Нет, того, кто придумал, звали Плиний Цецилий Секунд, или Плиний-младший. – Заметив, что Игорь, как говорят, не врубился, Турецкий объяснил: – В отличие от дяди его, Плиния-старшего, знаменитого древнеримского историка. Сечешь? – Но взгляд Игоря указывал на обратное. – Ну, хоть об Иосифе Бродском слышал? Нобелевский лауреат, недавно в Штатах помер, а вообще-то он наш, российский, питерский, его у нас за тунеядство еще судили... Есть у него такие стихи – «Письмо римскому другу». Про Плиния-старшего. Нет? Не помнишь?

– Тебе бы со Светкой моей... с дочкой... – он вздохнул. – От Татьяны... Ты ведь ее, кажется, знал? Ну, еще в институте мы с ней... Что «нет»? А мне казалось... Царствие ей небесное, да... И Светка вся в нее, характер – не дай бог! Вот она обожает такие приколы... А ты ж у нас всегда был мальчиком начитанным. Эти самые, как их? Парадоксы, опять же, да?

– Насчет «начитанности» – это, Игоряша, давно в прошлом. Когда у всех у нас была бездна свободного времени. И неутолимая жажда откровений. К сожалению, бездонные кладези, которые почему-то всегда казались таковыми, стремительно опустошаются.

– Ну и хрен с ними, на наш-то век как бы хватит, верно?

– Вот именно, как бы... – хмыкнул Турецкий.

– А ты сам, значит, пришел сюда как бы просто удостовериться в торжестве справедливости? – не понял сути ухмылки Залесский. – И все? И не больше? Не врешь?

– Отнюдь. И при чем тут справедливость? Просто зло, если называть предмет судебного разбирательства таким неюридическим термином, в какой-то мере наказано. Преступника уличили, схватили за руку. И точка. На том может все и закончиться. Иначе зачем же он тонны «бабок» своим адвокатам отстегивает? Это было бы несправедливо, с его точки зрения. Так что по поводу торжества справедливости ты, старина, загнул. От избытка эмоций. Заметь, ничто так не выделяет свет, как тени. Тоже, кстати, из Плиния-младшего.

– Ох, да по мне сейчас, что старый, что малый... Слушай, ну чего мы тут топчемся, как неродные, а? Давай отвалим куда-нибудь? Посидим, столько не виделись!

– Я за рулем.

– Ну, так что? Даже и не отметим? Да я тебе за руль любого посажу, вон их сколько!

– Я понимаю, о чем ты, – усмехнулся Турецкий. – Только давай как-нибудь в другой раз. Я ж наотрез-то не отказываю. Тем более старому школьному товарищу, которому невольно оказал некую, скажем так, услугу, верно?

– Ну, а я про что! Как бы не вижу причины не пересечься! Слушай, придумал! У тебя что с ближайшими выходными?

– Пока не знаю.

– Отлично! Тогда я забил стрелку! Приглашаю к себе в субботу. Вместе с супругой, с Ириной Генриховной, ее ведь так зовут?

– Ишь ты, все знаете! – восхитился Турецкий.

– А то! Мы как бы в курсе! Вот и я тебя со своими домашними познакомлю. С новой женой, с дочкой. Соседи у меня тоже... отличная компания. Хочешь, машину пришлю, как

пожелаешь! И вообще бы лучше с ночевкой. Чтоб вечером оттянуться как следует. А помещения у меня хватит! Да ты сам увидишь! И от Москвы недалеко, опять же и река под боком, купанье – такое удовольствие! Можно в бассейне, там морская вода. Тебе понравится, Саша.

– Давай не будем торопиться. Мой служебный ты наверняка знаешь, если хочешь, запиши еще и мобильный. Созвонимся.

– Диктуй!.. Я знаю, мы устроим «пати»!

– А это еще что?

– Ага! И ты, оказывается, не все у нас знаешь! Прием такой, ну, как бы в светском обществе. Вроде российского пикника. Тебе понравится, поверь на слово. Держи пять! Привет супруге! Я позвоню! – Игорь радостно сунул ему пухлую, почти женскую ладонь и пошел к машине, уверенный, что все сделал правильно и, главное, очень своевременно.

«Гляди-ка, этак ты, Турецкий, и в светское общество наконец попадешь! А ребятки-то не просты, нет. Глазастые. Вон их сколько! Из каждого „мерина“, из каждого джипа пялятся. Неужто тебя всерьез пригласили в „крутую“ компанию, Турецкий, и ничего не просят при этом? Удивительно... Но так, к сожалению, не бывает, можешь не обольщаться, друг Саша...»

В обычные, то есть нормальные, человеческие отношения верить почему-то давно уже расхотелось. Всякий раз выходил не тот расклад. А впрочем, чем он рискует? Своей репутацией? Но ведь если судить по таким вот «неожиданным» встречам, она и не может быть приличной уже изначально. Или, как говорят эти деятели, как бы по определению...

2

Алексей-младший маршировал из комнаты в комнату и громко кричал – это у него называлось петь:

Мы учим итать самаёты!
Мы учим их стах пабездать!
Такая у нас я-бо-та:
Учить самаёты итать!

Летный высотный шлем на его голове катался по плечам из стороны в сторону, прозрачное забрало было откинута – ну прямо космонавт из какого-нибудь давнего мультика. Алексей-старший наблюдал за сыном с умильной усмешкой: смена подрастает, ничего не поделаешь...

– Папка! – вдруг вспомнил Лешка. – А ты зезно обещаешь меня взять на вотаёт! Када будет выходной!

– Обещал, обещал, – заторопилась Люся. – Но папка тебе обещал именно в выходной, а сегодня у него не выходной еще. Потерпи!

– Хочу! – стал заводиться младший.

– Саша, заведи его! – приказала Люся старшему сыну. – Ну что вы, в самом деле! Не даёте отцу спокойно заниматься работой! И мне все нервы истрепали!

Двенадцатилетний, невозмутимый Александр снисходительно пожал плечами, бесцеремонно ухватил младшего братца за шиворот и уволок в соседнюю комнату, в детскую. Слава Богу, теперь уже появилась такая возможность...

Дошли наконец до летного начальства бесконечные Люсины жалобы на то, что ведущему на предприятии, заслуженному-перезаслуженному летчику-испытателю, полковнику и тэ дэ, и тэ пэ, просто жизненно необходимо иметь между полетами хоть какой-нибудь уголок для отдыха. Жили-то в однокомнатной квартире. Все четверо. Видно, доняла-таки их Людмила, достала всерьез. Либо побоялись потерять классного и всегда безотказного специалиста. Выделили в старой хрущевке трехкомнатную квартиру. Дом этот, правда, к сносу бы готовить, но, пока то да се, пожить еще можно. Опять же и не господа какие-нибудь! Для тех-то вон, на самом берегу озера, экую домину отгрохали, по три лоджии в каждой квартире.

Или вот тоже верстах в тридцати отсюда, в заповедных местах, где до прихода демократии размещался известный колхоз-миллионер, а сегодня кончают свой век вросшие в землю избы, и мужиков-то, фермеров, по-нынешнему, раз-два и обчелся, чуть ли не сотню гектаров пашни продали под коттеджи богатым, из Москвы. Там уже всамделишные замки построили и кирпичной стеной почище кремлевской обнесли. И речка рядом, и родники с какой-то минеральной водой. А за стеной, говорили деревенские, свой бассейн есть, с модным нынче аквапарком, какой разве что по телевизору и увидишь. Бар там опять же, казино, прочие увеселения. Обслуживающий персонал из города приезжает в специальном автобусе. В общем, поняли жены летчиков: организовали себе богатенькие русские маленький Лас-Вегас. А с другой стороны, значит, могут люди, поскольку большие деньги имеют...

Но Люся не завидовала тем, что проживали «за стеной». Она привыкла укладываться в мужнину зарплату в полторы тысячи рубликов и в свою учительскую добавку. А недавно Алексею-старшему увеличили зарплату аж вдвое! Живи да радуйся!

Про тот поселок банкирский, так его все называли, а если официально, то «Солнечным», было известно лишь потому, что недавно семьям летчиков-испытателей выделили неподалеку от того поселка десяток дачных участков по шесть соток каждый под сады-огороды. Ездили уже

туда, радовались, будто по трамвайному билету большой лотерейный приз выиграли. Ну а как же! Уже и распланировать успели, где времянечку можно будет поставить, где огород вскопать, картошку посадить, зелень всякую к столу – все добавка! Оказалось, что мимо участков еще и отличная асфальтированная дорога проходит. Ее сами банкиры и провели, прямо от Рязанского шоссе. Теперь, значит, к участкам добраться легко: автобус ходит. А у кого машина, так вообще без проблем, в любое время года – ни слякоти тебе, ни снежных заносов. Не так уж, выходит, и плохи эти банкиры, тоже люди, и польза от них...

Однако все это мимолетно. Подумалось и забылось. Другое заботило. Суббота сегодня, у всех нормальных людей выходной, а мужу надо на работу. У них выходные зависят от погоды. Летная – трудятся, а вот на прошлой неделе шли дожди, так хмурые ходили, отдых у них, значит, выпал.

Сегодня, как назло, солнечно и ясно. Заведет Алексей сейчас свой «жигуль-шестерку», купленный еще на те деньги, что заработал во время испытаний в Арктике, и поедет на аэродром. Если погода до обеда не изменится, сходит в зону, а к вечеру домой вернется. Можно будет завтра на новый участок съездить, где, правда, хоть и нет ни кола, ни двора, зато пикник детям в самый раз бы устроить, лето же, им отдыхать, а не дома сидеть... Были ж когда-то пионерские лагеря, пока их не приватизировали беспринципные дяди.

За мужа Людмила была, в общем, спокойна. И ничего плохого о нем даже подумать не могла. Хороший, послушный, не пьет, не гуляет, детей любит, с ней ласков, чего ж еще-то требовать? Хотя жизнь давала предостаточно поводов и с резьбы сорваться, и послать куда подальше. А он всегда ровный, спокойный...

Встал, поцеловал жену, заглянул в комнату к ребятам, помахал им рукой. Все как обычно.

Она чувствовала, что и он прекрасно знает, о чем она думает. За пятнадцать-то лет совместной жизни как не угадать? Да и о чем, в самом деле, могут еще думать жены летчиков-испытателей, как не об опасной службе мужей? Правда, они стараются на эту тему разговоров не заводить, делают вид, будто работа как работа, похожа на всякую другую. Чтоб зря мужей не волновать. Но даже настойчиво уверяя себя, что с мужем ничего не случится, что он выйдет из любой критической ситуации в полете, жена все равно не находит себе места и живет, и действует как бы по инерции до тех пор, пока не вякнет за окном сигнал возвратившегося домой «жигуленка». Воистину такая жизнь...

– Ты не задерживайся, мы ждем! – успела крикнуть она уже из окна.

Алексей выглянул из салона автомобиля, подмигнул ей и кивнул, прощаясь.

Этот момент она запомнила.

3

Субботнее утро, по мнению Александра Борисовича, выдалось не то чтоб совсем уж идеальным для пикника, который обещал закатить Игоряша дорогому школьному другу, но вполне терпимым. Не очень жарко, поскольку солнце закутано облаками, но прогнозы и дождя не обещают. На воле – в самый раз.

– Заметь, – сказал Турецкий жене, – друг! А ведь всю дорогу были приятелями, и не больше. Олигархи, между прочим, такими понятиями, как «друг», если речь идет не о любимой собаке, не разбрасываются. Это у них не по понятиям, извини за тавтологию, или как это у грамотных называется?..

– Хвастунишка ты, Шурик, – спокойно, будто невзначай вылив ушат воды на его голову, охладила эмоции супруга Ирина. – Тебе-то конкретно что с этого дела достанется? Или ты уже успел занять какой-то особый интерес? Я не могу припомнить, чтоб тебе когда-нибудь вообще нравились олигархи.

– А они мне и сейчас не нравятся. С чего ты взяла? Я ж сказал, что не я ему, а он мне обязан. В определенном смысле. И я совсем не думаю, что так называемый долг окажется ему в тягость. Скорее, наоборот. А это означает, что от нас с тобой равным счетом ничего не требуется, кроме как вкушать предлагаемые наслаждения. Потому что принять нас они просто обязаны по самому высшему разряду. Как самого российского президента с его драгоценной супругой. Вот разве что...

– Ну-ну, договаривай!

Определенно Ирина слушала его в пол-уха. Она сосредоточенно примеряла новенький, ни разу не надеванный купальник, сплошное, можно сказать, мини-бикини, состоящее из пластин и блесток, выразительно и даже опасно подчеркивающее все прелести ухоженной фигуры зрелой, сорокалетней женщины. А Турецкий, подперев кулаками подбородок, отчего щеки его комично поднялись к вискам, пытливо наблюдал за прикидками жены, мысленно обзывая себя самым натуральным козлом.

«Вот же оно, рядышком, руку протяни, но тебя же вечно влечет куда-то! Ну да, постоянно влечет и тянет, только совсем не туда, куда следует! Совести у тебя, Турецкий, точно, как у того козла!..»

Ирина вдруг в упор взглянула на него и, иронично хмыкнув, осуждающе покачала головой.

– Ты чего? – оторопел Турецкий: неужто она поймала его мысль? Последнюю, разумеется. И еще ухмылка эта...

– Да смотрю вот и вижу, что совести у тебя, Турецкий, как у того... А вот глазки сейчас, будто у...

Ирина запнулась и почему-то хихикнула. Причем, что особенно обидно, с заметным пренебрежением.

«Черт! Она и в самом деле, что ли, читает мысли?! – уже всерьез напрягся Александр Борисович. – Этак ведь и от собственного реноме ничего не останется! От этой... от репутации... Какая уж после этого уверенность в себе? Или наплевать?»

Вообще-то, в гости приглашали с ночевкой. Иначе какой смысл был бы ехать черт-те куда и не выпить там ни рюмки? А так субботу гуляем, с утра в воскресенье отходим, отмокаем и возвращаемся домой. Логично. На новом месте, это уж известно, всегда на приключения тянет, жене опять же обязательно потребуется приятное сделать. Но, с другой стороны, выпить-то придется, а какая после этого, извините, любовь? Да хоть бы и на новом месте?

Поразмышлял на эту тему Турецкий, прикинул возможную реакцию жены и, вздохнув, исключительно для усиления собственной храбрости поднялся со стула.

Подошел к Ирине сзади, обнял ее за плечи, она засмеялась:

– Что, совсем тяжело? Да, Шурик, дамские примерки – это очень серьезное испытание для трезвого и любвеобильного мужчины... Ах ты, босяк!

– Ты потрясающе права, дорогая, я просто отчаянный босяк!.. Но, к сожалению, мы опаздываем. Если бы не этот, не зависящий от меня фактор, живой бы ты отсюда не выбралась, уж это точно! – И он даже зарычал, демонстрируя «жуткую страсть». А Ирина захохотала и показала ему нос.

Полчаса спустя они мчались по Московской кольцевой дороге на восток, в сторону Рязанского шоссе.

Поселок Солнечный не был обозначен еще ни на одной карте автодорог Московской области. Но Турецкий примерно знал место, где он должен был располагаться. Игоряша, надо отдать ему должное, искренне огорчился, что «школьный друг Саша» отказался от его превосходного бронированного «мерседеса» и, соответственно, от джипа охраны, а вознамерился ехать в собственной «Ладе». Ну и Бог с ним. Зато он сумел доходчиво объяснить, как ехать и где Сашу с супругой будут обязательно встречать. Короче, дуй напрямик по старой Рязанке, а как пройдешь Раменское, посматривай на обочину справа. Переедешь по мосту через речку Гжелку и дальше, за большой березовой рощей, будет асфальтированный съезд, там и дожидается почетный эскорт. Все понятно? Так точно, ваше... хрен знает, как вас следует именовать, но что не «высокоблагородием» – это уж на одну минуточку извините...

Ирина наслаждалась ровной, спокойной ездой. И у Александра мысли тоже были плавные и умиротворенные. Как, в сущности, немного надо человеку, чтобы чувствовать себя полностью счастливым! О чем там рассуждал Черный Абдулла? Добрый дом, хорошая жена... Что-то в этом роде.

– Шурик, а что мы с тобой у них, собственно, делать будем? – словно очнулась Ирина. – Болтать, слушать сплетни и водку кушать?

– Ну, ты даешь, подруга! Изображать людей независимых и шибко важных. На отдыхе. Пользоваться бесплатными благами. Не исключаю, что кое-кто пожелает завоевать твоё более близкое расположение. Но я постараюсь постоянно находиться неподалеку и любые нехорошие поползновения пресекать без рассуждения. Как только ты подашь соответствующий сигнал. О котором нам с тобой, полагаю, следовало бы договориться заранее. Итак?

– Ну а если поползновения окажутся хорошими? Или я сама неожиданно растеряюсь? Или, того хуже, сигналы перепутаю?

– Ты что, сумасшедшая?! Ты разве не знаешь, что это за люди?! Да у них ведь, жителей этого серпентария, отродясь не было ничего святого! Ирина, я просто... – Он старательно изображал крайнее возмущение. – Да у меня просто нету слов! Постой, или ты таким вот образом испытываешь меня? – выдохнул наконец он с ревнивым подозрением.

– Ладно, – небрежно и совсем невежливо отмахнулась Ирина. – Подумаешь, тоже мне еще! Не надо ля-ля! И не выступай! Не то я... Без сожаленья! Две наши жизни! Р-р-разорву!

– Не понял! – с грозным весельем рявкнул Турецкий. – А это еще у тебя откуда?!

– Это, милый, «Маскарад» Лермонтова. Мог бы и знать.

– Молчу. Уела. Но ты все-таки того... не компрометируй своего, между прочим, довольно высокопоставленного супруга.

– Ой-ой-ой! Ну кто бы еще рассуждал! Ах, Шурик, боюсь, что тебя, к великому сожалению, уже ничем не скомпрометируешь. Я тем не менее постараюсь быть тебе верна, а ты, на всякий случай, далеко не отходи. Я слышала, у этих богатых та-а-акие причуды! Та-а-акие примочки с прибабасами, а?

Укол в наиболее уязвимое место Александра Борисовича был нанесен с беспощадной женской точностью.

– А я вот сейчас съеду с дороги в ближайший лесок, загоню машину подальше в кусты и... ни в какие гости ты уж тогда не попадешь, – мрачно пообещал он.

– Ну что ж, и мама мне говорила, – философски заметила Ирина, – и старенькие мои тетки тоже, да, впрочем, я и сама теперь прекрасно знаю, что все «мущины» – жуткие нахалы. Им, сколько ни дай, всегда мало.

Турецкий громко икнул.

«Лада» подпрыгнула на идеально ровной дороге. Потом вдруг резко сунулась к обочине, подняв облако пыли, и замерла.

– Эт-та ка-акие еще «мущины»?!

Турецкий был грозен до жути и мрачной тучей навис над безмятежно раскинувшейся на приспущенной спинке сиденья супругой. А она хохотала. И тогда он не выдержал. Но его быстро отрезвило восклицание жены:

– Ненормальный! Люди же кругом!

– Где ты видишь людей? – страстно зарычал он, добавив, впрочем, уже спокойным голосом: – И вообще, о чем речь, не понимаю? У нас же стекла тонированные.

– Не хулигань, Турецкий! У тебя еще все впереди.

– Спереди, дорогая! Не путай, пожалуйста, Божий дар с яичницей!

– Я ж говорю: босяк! – вздохнула Ирина, выпрямляясь и обеими руками поправляя замысловатую прическу, укладке которой, как и примерке купальника, она посвятила половину утра. – Господи, как я живу с этим чудовищем?! В его устах даже фольклор выглядит жуткой порнухой! Ладно, так и быть, целуй меня и – все, и – поехали. Заждались ведь, поди, дружки твои новые?..

Почетный эскорт они заметили издалека.

В самом деле, кому придет в голову стоять на самой дороге, в тучах пыли, которую каким-то непостижимым образом умудрялись поднимать проносящиеся по асфальту грузовики, когда вон, всего в полукилометре позади, тенистая березовая роща, пологий спуск к речке, бегущей в зарослях высоких ив? Ну, ладно, бывает, нужда заставит, когда мотор перегреется. Но чтоб сразу у двух сверкающих никелем и чернью джипов? Сомнительно. И почему это крепкие, рослые такие братки, в черных брюках и белых сорочках, с «мобилями» в руках, придиричливо посматривают на проезжающие мимо автомобили? Такое может происходить лишь с определенной, заранее обозначенной целью.

Турецкий обратил внимание жены на живописную группу из шести одинаково одетых молодых людей впереди, у правой обочины, и сбросил скорость. К джипам он подкатил медленно и даже немного торжественно.

Остановился.

Ирина небрежно поприветствовала «мальчиков» высунутой из окна рукой. Один из них тут же сунулся к открытому окну. Глаза его, увидел Александр Борисович, так и прилипли к фривольно открытым ногам Ирины. Видно было даже, и какие мысли заворачивались в квадратно постриженной башке банкирского охранника. Ну, телка тормознула, какой базар? Не герла, конечно, но... почему бы и нет? Да запросто!..

– Ирина Генриховна, – предупредил Александр Борисович, – с вашего позволения, первый сигнал.

Однако верная супруга лишь игриво хихикнула.

Тогда Турецкий вышел из машины, расправил плечи и голосом, как минимум, министра обороны, принимающего парад вверенных ему войск, провозгласил:

– Доложите, господа, кого встречаете?

Братан с квадратной башкой неохотно оторвался от заманчивого лицезрения, выпрямился и доложил, как ему было, видно, приказано хозяином:

– Велели встретить... Турецкого. – Похоже, он чуть не добавил «какого-то», вот это был бы номер! Но помолчал и завершил доклад: – С супругой.

– М-да-а, – с мрачным осуждением заметил Александр Борисович и покачал головой, ибо спускать такое непочтение к собственной персоне не был намерен. – А с дипломатией, гляжу, у вас, господа, дела неважные... Я бы отметил: очень даже неважные!.. Совсем хреновые, другими словами!

Возникла пауза.

Братаны явно не знали, как реагировать. Прямого указания-то не было. Может, выйти по-быстрому на связь с хозяином? Так вроде и угрозы тоже никакой. А базар непонятный, хотя точно не по делу.

Потянув паузу, Александр Борисович поднял над головой указательный палец, призывая к вниманию, после чего ткнул им себя в грудь:

– А Турецким, господа, буду я! – Затем он направил палец, словно ствол пистолета, в салон машины: – А там, то есть вот здесь, супруга Турецкого, иначе говоря, моя, господа! Надеюсь, диспозиция вам всем понятна? Тогда почему же, черт побери, не начинаем движение в указанном направлении?! – рявкнул он напоследок почти шалашинским басом, внося полное уже замешательство в ряды встречающих и возвращаясь за руль.

Братаны испуганными воробьями, если бы уместно было такое их сравнение со вредной мелкой птицей, сыпанули в свои джипы.

Ирина едва не подавилась от хохота...

Первым катил джип с «квадратноголовым» охранником, за ним следовала «Лада», а завершал короткую кавалькаду другой джип. Ехали небыстро, будто такое движение также входило в церемонию встречи. А может, охрана все еще не могла прийти в себя после «выступления» такого крутого, блин, Турецкого?

...Позже, уже за большим и обильным столом, когда Ирина весьма артистично изобразила в лицах эту торжественную встречу, от хохота чуть не подавился уже сам хозяин, веселый и, кстати, абсолютно не заикленный Сашкин ровесник, выглядевший, однако, много старше.

Что же касается семьи Игоря Валентиновича, и в первую очередь его симпатичной пятнадцатилетней дочери Светланы, девицы, надо сказать, со своеобразным характером, а также множества других гостей, то все они внимательно слушали очаровательную супругу известного «важняка», и восторгу их не было предела...

4

Конечно, Алексей прекрасно знал, о чем постоянно думает Люся. Боится, трясется, а виду не показывает. Молодец. Понимает, что испытатели иной раз вынуждены в аварийном порядке покидать неуправляемую машину, такое и по телевизору показывали. Не догадывается о другом: каждый раз, когда возникает подобная ситуация и решение должно быть однозначным, на чем в первую очередь настаивает «земля», не всякий испытатель готов с охотой и немедленно выполнить приказ оставить машину. Но если уж такое произошло, значит, ты сам либо твой товарищ будете обязаны повторить все сначала, чтобы понять суть происшедшего. Чтобы избавить других от подобных неожиданностей. От будущих катастроф. От гибели людей, доверивших пилоту свои жизни...

Он считал себя везучим человеком.

Но само везение, если его брать как факт, основанный на реальных, то есть достаточно жестких, условиях работы, было для него результатом целого комплекса, скажем так, умений.

Случалось, Алексея с пристрастием допрашивали журналисты о такой тайной способности его характера, как интуиция. Иначе говоря, об умении предвидеть и, соответственно, что-то там всегда заранее предотвращать. И почему-то всякий раз, вольно или невольно, их вопросы словно бы изначально подразумевали в подтексте ответа расхожую формулировку, высказанную, кажется, еще яростным врагом советской власти, господином Черчиллем: мол, они (большевики) нарочно создают себе трудности, чтобы потом с успехом их преодолевать. Так ли дословно это было сказано или не совсем так, но... главное, что в этом смысле.

Алексей предпочитал в таких случаях ссылаться на Суворова. Известно ведь, как однажды Александра Васильевича крепко, говоря современным языком, достали по поводу его фатального, прямо-таки неправдоподобного «везения». Вот и воскликнул генералиссимус в сердцах: «Везение, везение! Но когда-то ж должно быть и умение!»

Примерно так же рассуждал и Алексей. Хотя ему, конечно, все-таки и везло. Но тут, как ты ни рассуждай, а что-то, наверное, проистекает и от Бога. Хотя и на этот случай тоже есть добрая российская присказка: «Бог-то он Бог, да сам не будь плох!»

Особенно памятен эпизод, который едва не закончился трагически. Едва! И тогда досужие на выдумку журналисты сочинили, что он, Алексей Мазаев, успел в самый последний миг выскочить из-под крышки гроба. Красиво, конечно, сказано, даже впечатляет в известном смысле. Но все это чепуха на постном масле. Ну да, ситуация действительно сложилась критическая. И что? Шанс-то ведь оставался! Он, кстати, всегда имеется, пусть один из тысячи... из миллиона! И поскольку он все же есть, профессионал им не просто должен, но обязан воспользоваться. Тем более пилот экстра-класса, для которого критические ситуации – всего лишь привычные условия его повседневной работы.

Вот легендарный Сергей Николаевич Анохин однажды рассказывал...

А его ведь называли «человеком-птицей», и без всякого преувеличения, потому что он летал в буквальном смысле на всем, что только может подниматься в воздух. И рассказывал он, конечно, не Алексею – к тому времени, как юный Лешка Мазаев лишь помышлял о своей будущей героической профессии летчика-испытателя, великого Анохина друга-товарищи, чьи имена тоже стали легендарными в кругах, связанных с авиацией, провожали на заслуженную пенсию. Так вот им, своим коллегам, и рассказывал Сергей Николаевич. Алексей же услышал о той старой истории уже от своего наставника Сан Саныча, который учился у Анохина, летал вместе с ним, прекрасно его знал, ну и все такое прочее...

Словом, вышло так, что во время очередного испытания самолет Анохина попал во флаттер.

Даже бывалые летчики внутренне содрогаются при одном только упоминании об этой внезапно нарастающей вибрации, способной вмиг разрушить потерявший управление самолет. То есть в самом прямом смысле разорвать его на куски. Еще в недавнем прошлом флаттер означал, по сути, смерть машины, а если летчик не успевал среагировать, терялся, то и его тоже. В наши дни теория этого грозного явления достаточно разработана, и расчеты авиаконструкторов практически точно указывают на верхние границы скоростей, переходить через которые летчик не должен. Но в те, уже кажущиеся давними, шестидесятые годы превалировал все еще трагический опыт испытателей...

Машину Анохина трясло так, что приборы выпадали из своих гнезд, искря разрывами проводов. Взрыв, подобный тому, как если бы в самолет попал пушечный снаряд, мог произойти в любую секунду. Но Анохин успел сообщить на землю о происшествии, получил команду оставить гибнущую машину и... теперь пытался выполнить ее. Однако плексигласовый фонарь кабины заклинило от сумасшедшей вибрации. Смертельная ловушка, другими словами...

Позже состоялся примечательный диалог.

– Но ведь как-то тебе удалось все-таки выбраться? – допытывались товарищи.

– А я сел и подумал.

– А что, разве еще оставалось время?!

– Целых три секунды. Вполне, чтобы принять решение...

Анохину удалось тогда с помощью совершенно уже невероятных усилий сдвинуть фонарь пилотской кабины и, не пользуясь катапультией, которая могла бы его в тот момент попросту расплющить, размазать по прозрачной «крыше», выбраться наружу и перевалить через борт. Встречный воздушный поток довершил путь к спасению.

Ну, правда, там случилась еще одна непредвиденная и неприятная штука: парашют зацепился, и надо было каким-то образом освободить его. Удалось...

Три секунды... Сел, подумал... Фантастика! Если бы все это не было истинной правдой...

Испытание самолета на прочность по правилам относится к высшей категории сложности. Тут уж без преувеличения. И Анохину, и его товарищам приходилось иной раз даже специально разваливать машины, чтобы точно определить те самые, смертельно опасные границы, через которые впоследствии не должны будут переступать уже серийные, а не экспериментальные самолеты. И всякий раз не обходилось без крайнего риска, потому что лишь за чертой дозволенного можно распознать признаки грозных катастроф.

И тот же Анохин, и Сан Саныч, сознательно вгонявший самолеты в штопор, чтобы проверить их на устойчивость и управляемость, а вот теперь уже и Алексей Мазаев, выполняющий уникальные эксперименты на максимальных высотах, при сверхнизких температурах, в условиях полярной ночи, над океанами и антарктическими просторами, – все они делали и продолжают делать одну и ту же работу, про которую лихо и самозабвенно распевает маленький Лешка, – «учат самаёты итать...». Вот и пацаненок к взрослой жизни готовится!..

А что касается истории с «крышкой гроба»...

Ну, было дело, Алексей с напарником демонстрировали на истребителях пятого, можно сказать, поколения фигуры высшего пилотажа. Показательные выступления. И случилось абсолютно непредвиденное: напарник на сложном вираже рубанул крылом по борту самолета Алексея. Слава Богу, что все произошло в пилотажной зоне, а не над головами сотен зрителей, уставившихся в небо. Обе машины вспыхнули факелами, но та, которую пилотировал Алексей, стала разваливаться первой. Для спасения уже практически не было времени, но Алексей и тут успел. Виски, правда, «морозцем» прихватило, он это уже утром заметил, когда брлся перед зеркалом в ванной. Пошутил потом, сказал, что вышло так, будто сумел выпрыгнуть из «Жигулей» точно в момент лобового столкновения с препятствием. Причем на приличной скорости. Для наглядности объяснил.

Да он-то что, ладно! А Люся восхитила. Истинно жена пилота! Оказалось, что всю ту карусель показали по телевидению, причем в деталях, вплоть до падения на землю обломков самолетов. Профессионалы смогли понять и оценить действия летчиков, а зрители-то... Так вот Люся, едва услышав, что снова все обошлось, первым делом кинулась успокаивать жену Алексева напарника, тоже благополучно приземлившегося на парашюте. Но у того все же было немного больше времени, в секундном, разумеется, отсчете. Вот в чем и заключалось главное чудо, на которое способны лишь верные жены летчиков-испытателей...

Сегодняшнее испытание на прочность, по существу, являлось последним. Если говорить о серьезных проверках. «Дымка» была машиной экспериментальной, гражданской, рассчитанной на короткие перевозки небольших грузов или нескольких пассажиров. Военному летчику-испытателю, каковым являлся Алексей Мазаев, здесь по идее и делать-то особо нечего. В принципе все уже примерно известно, вполне мог бы справиться и один Петя Щетинкин, вместе с которым «гоняли» машину. Кстати, не от хорошей жизни. Сейчас бы новейшие истребители поднимать на крыло, да где они? Деньги на них где? Вот и строят фирмы с всемирно известными именами всяческие «дымки», «палехи», «гжелки»... Конверсией занимаются. Потому и приходится перебиваться, что называется, с хлеба на воду... военным летчикам-испытателям. Хотя чего спорить, и такие самолетики тоже нужны, куда денешься...

Но проверка на прочность, как уже замечено, все равно относится к заданиям высшей категории сложности. И сегодня следовало поднять машину на две тысячи метров и разогнать ее до максимально допустимой приборной скорости. Если честно, то невелика сложность для испытателя-высотника! Неудобства – это другой разговор. К примеру, конструкторы экспериментального завода предусмотрели только одну дверь в кабине, слева. В случае непредвиденных, экстремальных обстоятельств покинуть самолет летчику, сидящему слева, труда, конечно, не составит, а вот для того, кто справа, это уже серьезная проблема. Но если вдуматься, то, в общем, тоже не из непреодолимых.

Ну и опять все к тому же вопросу! Что ж вы, братцы, лепите-то? Почему никак нельзя обойтись без пресловутой «проблемы»? Когда ж надоест только и делать, что без конца заставлять летчиков что-то обязательно преодолевать? Привычка у нас, что ли, такая идиотская?..

Или вот еще. Начальству, известно, всегда виднее. Где б оно ни находилось. Но ведь принято же на испытания с учетом серьезного риска выпускать сокращенный экипаж. Будь на то воля Алексея, он и полетел бы сегодня один. Или пусть летит Петя, какая разница? Так ведь оно и было, между прочим, когда Алексей сваливал в штопор эту самую «Дымку», которую конструкторы называли в честь известной глиняной игрушки, раскрасив свое изделие в яркие цвета. А летал он один именно потому, что перебраться через пульт управления с парашютом на плечах задача не из простых. И не о ней следует думать пилоту во время испытаний самолета на прочность, ясно ведь как дважды два.

Да ладно, о чем рассуждать, когда главное дело уже сделано, остался последний штрих. Ангел-хранитель, надо полагать, как обычно, за спиной, и ни о чем плохом думать не хочется. Оно и не принято в подобных случаях, примета нехорошая.

Но вчера они с Петром на всякий случай все же отработали вынужденное покидание кабины обоими летчиками. На земле, естественно, отрабатывали. Так положено. Хотя гадать о том, когда такая нужда может возникнуть, очень бы не хотелось...

Алексей посигналил охране, показал свой пропуск, и ворота откатились в сторону. Машина Мазаева въехала на закрытую территорию Летно-испытательного института и аэродрома, откуда вскоре уйдет в небо ярко раскрашенная «Дымка».

Правда, погода сегодня пока не самая лучшая – вся округа затянута пеленой от горящих лесов и торфа, соседние ведь районы, но синоптики обещали к середине дня усиление западного ветра, ну а тогда видимость будет, как шутят бывалые пилоты, «мильён на мильён». Эх,

такую бы денежку, да в карман! И огород тогда на новом участке копать не надо. Под картошку...

5

Ирине искренне понравились люди, с которыми судьба свела ее так неожиданно за веселым и гостеприимным столом. Нечасто в последнее время, а если по правде, то и в последние годы, случалось подобное. И тому были, естественно, серьезные причины.

Профессия Александра Борисовича накладывала довольно жесткий отпечаток на круг семейных знакомств. Это ведь только кажется, что широко известному, не станем скромничать, пусть в достаточно узких, специфических кругах, старшему следователю из Генеральной прокуратуры «все-всегда-повсюду» рады. Отнюдь, как говаривали персонажи старинных романов.

Оно конечно, уже сама профессия человека, способного раскрыть «невероятно жуткое и таинственное убийство», подозревает у ее носителя, обладателя острый ум, быструю реакцию, и не только в смысле обычной житейской находчивости, определенную волю, бесстрашие там... Что еще? Ах, ну, разумеется, и постоянный риск, и смертельная опасность со всех сторон!

Многими талантами и умениями наделил своего героя-сыщика создатель знаменитого Шерлока Холмса, заразив тем самым поколения юнцов, почему-то решивших, что именно их руками – и в прямом, и в переносном смысле – будет твориться вечная справедливость, иначе говоря, наказываться зло и получать «зеленую улицу» добро. А жизнь на поверку всегда гораздо жестче, чем представляется поначалу. Отсюда и разочарования, и определенный цинизм. И в конечном счете немало достойных борцов с преступностью почему-то переходит к ней на службу, к этой самой преступности. Там, говорят, платят больше.

Да что говорить-то! Толковый юрист на службе у того же олигарха раскатывает на «мерине» и с солидной охраной. И проживает он не в двухкомнатной квартире, а в собственном особняке в престижном каком-нибудь районе Подмоскovie. Вот как эти господа, пригласившие Турецкого с супругой провести у них уик-энд.

Оно и понятно, потому что юрист, способный, что называется, отмазать своего хозяина в трудную минуту, умеющий дать вовремя нужный совет, как обойти закон, ценится гораздо больше, чем даже личный, преданный тебе охранник. Этих, последних, при острой нужде просто убирают, чтоб не путались под ногами, когда «серьезные дяди» стрелки забивают, и дело с концом. А толкового юриста выгоднее, да и правильнее, по сегодняшним понятиям, перекупить, переманить на свою сторону, соблазнить более широкими перспективами, валютными счетами в зарубежных банках и так далее. Много есть действенных способов. Уж Ирина-то знала о них. И не только из газет и бесконечных телевизионных сериалов. Ее и саму не раз похищали, чтоб Турецкий стал сговорчивей, и угрожали всячески, и даже десятилетняя Нинка едва не становилась разменной монетой в гнусной торговле бандитов с упертым «важняком». Все это уже известно, проходили.

Так вот, рассуждая о круге знакомых Александра Борисовича, Ирина могла бы, пожалуй, назвать не более десятка имен тех его надежных друзей-товарищей, у которых могла сама найти поддержку в трудную минуту. Главным-то образом ведь коллеги вокруг, а им душу не откроешь.

Но даже и этот круг практически не расширялся, а, напротив, медленно, но верно сужался. Кто сам ушел, кого Господь прибирал, по-всякому случалось. Шутили: все уже круг революционеров. А когда ты видишь в постоянной близости от себя одни и те же лица, слышишь примерно одни и те же речи, когда ты уже заранее все наперед знаешь, становится невыносимо скучно. А порой и тоскливо. И так же нестерпимо хочется хоть какой-то новизны, пусть даже сопряженной с долей риска. Не смертельного, разумеется, но такого, чтоб хорошенько взбодрило, чтоб кровь заиграла, чтоб краски засияли! Адреналинчику не хватает, другими словами. Женщина ведь ты, в конце-то концов! И очень даже симпатичная, нечего скрывать

правды! И внимание на тебя обращают постоянно. В то время как ты с подобным же постоянством обязана помнить, что являешься женой «важняка», что любой посторонний интерес к тебе может быть продиктован исключительно необходимостью «захомутать» твоего несговорчивого супруга и что повсюду тебя подстерегают уж ты какие опасности! Ну а шаг вправо или шаг влево – это уже, считай, побег из-под стражи, который, как известно, пресекается пулей. Шутка!

Вот поэтому выезд на лоно мог бы стать для Ирины в какой-то мере действительно праздником. Это ж только подумать! Ни одной знакомой, надоевшей физиономии рядом! Никаких «прокурорских» речей! А только милые и заботливые хозяева, счет которым Ирина уже потеряла.

Она поняла, что все живущие в этом поселке, обнесенном почти кремлевской кирпичной стеной, занимаются общим бизнесом, в существо которого вдаваться интереса не было, но совершенно явно связан он с огромными деньгами. Турецкий и сказал ей – с прямою римлянина: «Банкиры, чего ж ты, собственно, от этой публики хочешь?» Без видимой зависти, но с изрядной долей пренебрежения. Что для него вообще характерно. Установка такая у него в мозгах. Достойны дружеского внимания подобные ему, а все остальные – потенциальные его клиенты.

А чего, спрашивается, ей от них хотеть? Разве что искреннего уважения, а не завуалированного подхалимажа? Не так уж и много, если по правде...

Пока сюда ехали, он таким же непрозрачным образом намекнул, что по вышеозначенной причине и откровенно удивляться чему-либо необычному тоже не стоит, и восторга своего телячьего желательно не обнаруживать, и лучше делать вид, что все это тебе, в общем-то, привычно. Нет, ну конечно красиво у вас тут, господа, приятно... И – ладно. Просто как констатация факта, не больше. А вот громкого восхищения демонстрировать не следует, хотя поводов наверняка найдется немало.

Получалось, что для Александра Борисовича даже и этот пикничок, или «пати», как ему сказали, в сущности, все то же продолжение его проклятой работы. Во всяком случае, так поначалу Ирине и показалось. Однако очень скоро предупреждения и советы мужа как-то забылись, отошли на второй план, а после и вовсе растаяли, смешавшись с ароматным дымом от огромного мангала. Вокруг него хищными птицами кружили лоснящиеся от пота «лица кавказской национальности» в замызганных фартуках, но один из них, словно специально для контраста, был в ослепительно белом халате и высоком, будто засахаренном, колпаке.

– О! Это – шеф! – с неприкрытым восхищением пояснила Ирине приятная молодая женщина, почти девушка, которую к супруге Турецкого несколько минут назад прикрепила хозяйка, так сказать, сегодняшнего «пати» в качестве гида. Ну и еще чтоб гостье скучно не было, пока все не уселись за стол. Поводить по обширной территории, показать интересное, объяснить, если что непонятно, помочь при необходимости.

А Валерия, или Лера, как она с ходу предложила себя называть, похоже, была по уши озабочена хозяйскими делами – подготовкой к большому приему. Вот ведь, оказывается, что! А то Турецкий с присущей ему самонадеянностью решил, будто пир собираются заткнуть исключительно в его честь... Ничего, улыбнулась про себя Ирина, небольшой такой щелчок по его нахальному носу будет только на пользу.

Олечка же, которая вовсе не принадлежала к обслуживающему персоналу, а была подругой Леры и женой одного из проживающих здесь же банкиров, как их всех скопом именовал Турецкий, легко пришлась Ирине по душе. Смешливая, уютная такая болтушка, не заикленная на мифических миллионах мужа, Олечка без всяких просьб со стороны Ирины вмиг посвятила ее во все особенности бытия в этом закрытом для посторонних глаз поселке Солнечный.

В сущности, здесь имелось все, что необходимо для нормальной человеческой жизни. И в этом, собственно, главный принцип и заключался. Никаких тебе забот, вызванных невоз-

можностью либо трудностью решения неожиданно возникающих проблем. Все есть, все под рукой, а если чего вдруг не окажется, скажи, немедленно привезут и еще в зад поцелуют, чтоб лишний раз не волновался. Но если все-таки желаешь поволноваться, погонять кровь, пощекотать нервишки, найдется и такой способ. Правда, в основном это касается мужчин, которым иной раз просто необходимо взбодриться, оторваться, отвязаться маленько, как они это называют. Зато и дома после всегда спокойно. Нет, не бордель какой-нибудь, не гарем опять же, и с кровью все в порядке, а в общем, резвятся, ну и пусть. Хватало б здоровья!

Что ж это за способ такой, о котором с явным умилением отзывается Олечка? Все оказалось просто до примитива. Казино мужья себе завели. Без обмана, по-честному, но... со всякими прочими удовольствиями, которые могут предложить заведения подобного рода в лучших городах мира и, разумеется, его окрестностях. Жены заходят иногда, нечасто, чтобы поиграть немного, рюмочку-другую пропустить. Дети подрастают, им тоже интересно, ведь к настоящей, большой и ответственной жизни готовятся! Так пусть привыкают. Под родительским крылом оно для начала как-то и проще, и надежнее. Дети тут вообще, как говорится, особая статья.

Так уж сложилась судьба, что построили и заселили Солнечный, в общем-то, ровесники. Те, на чью тяжкую долю пришлось самое что ни на есть начало перестройки. Когда все было дико, непонятно, сложно и опасно. Иногда даже смертельно опасно. Зато и дух захватывало от открывавшихся шальных возможностей! Но, как говорится, пережили лихое время, все устаканилось, образовались капиталы, сложились более-менее четкие финансовые отношения, взаимозависимости и, соответственно, «взаимонеприятия», определились группы сторонников и противников, появилось в конечном счете большое дело. Дело, можно сказать, на всю оставшуюся...

И получилось, что у ровесников-родителей и дети тоже оказались практически ровесниками. И тоже дружат между собой, отрываются иной раз до такой степени, что и сладу с ними нет никакого. Но это уже проблемы отцов, мамашам здесь делать нечего.

– Вон они, кстати! – показала Олечка на асфальтированную дорогу вдоль всей внутренней части «кремлевской» стены.

Там с сумасшедшим ревом носились диковинные мотоциклы, на которых восседали всадники в черно-серебристой коже, в фантастических шлемах, с девицами с голыми ногами на задних сиденьях.

– Не побьются? – с тревогой спросила Ирина, понаблюдав немного за опасными гонками.

– А! – беспечно отмахнулась Олечка. – Ни черта с ними не сделается! А мы все уже давно привыкли. Тут же лучше, чем где-нибудь на шоссе, вот там в самом деле опасно. А тут, если что, и врачи свои, и дом рядом. Побесятся и успокоятся. За столом все встретимся...

– А если ваш сын или дочка?..

Наивные глаза Олечки весело блеснули.

– Моей славной Натулечке еще только три годика! Куда ей на такого зверя! Не-ет, пусть сначала подрастет!..

Они с Ириной уже прошли «большой круг», осмотрели замки-коттеджи, не отличавшиеся, кстати говоря, особыми индивидуальными фантазиями архитекторов-строителей. Да и самих хозяев, наверное, что было вернее всего. Ломаные крыши, покрытые особой какой-то черепицей, зелень по стенам, арки окон, башенки, висячие балконы, стеклянные галереи... Нет, в общем-то, неплохо. Богато, так будет точнее. Но с выдумкой, конечно, туговато.

Памятуя о просьбе мужа, просившего не раскатывать губы, глядя на чудеса, Ирина сдержанно кивала в ответ на восторги Олечки, а сама думала, что игры тут с ее стороны, пожалуй, и нет. Не чувствовала, увы, почему-то она зависти. Представила вот на миг себя в этом окружении и даже поморщилась: в самом деле, только в казино, в конце концов, и придется искать

спасения от сытой жизни и смертной тоски. Или как вон те, молодые, с ревом и грохотом на мотоцикле. До упора, до полного уже одурения...

А как же удастся Олечке сохранять свою, явно искреннюю, открытость и веселость? Есть любимое занятие? Выяснилось, что нет. Она вся – в воспитании Натулечки и до остального ей решительно нет никакого дела. Счастливая девочка...

Они вернулись к исходной точке, к чадающему всеми ароматами мира мангалу.

И тут выяснилась новая пикантная подробность. Оказывается, такие вот «пати», общие пикники, шумные вечеринки за общим огромным столом на поляне, под вековыми, будто бронзовыми соснами, у пылающего огня, собирающего буквально всех жителей поселка, происходят здесь регулярно. Причем, что особенно демократично, всегда в складчину, со всех поровну, независимо от того, насколько ты сможешь наесть или напить или скольких соизволишь пригласить гостей. Последний вариант, правда, всегда обсуждается. Но исключительно для того, чтобы среди своих – равных, естественно! – по случайной ошибке не появились чужаки. Впрочем, это вовсе не касается личных, так сказать, гостей, не участвующих в общих игрищах: приглашай к себе домой, угощай, остальных это не касается.

Для Ирины сие означало, что они с супругом Александром Турецким здесь никак не чужие, а свои в доску. Любопытно, надо будет не забыть поставить его об этом в известность. Или он уже в курсе? Странно, оставил жену одну. Правда, на попечение этой милой болтушки, но все же... А сам вместе с Игорем Валентиновичем ушел в дом.

А вот этот Игоряша, как называет его Шурик, видать, по школьной еще привычке, очень напоминал Ирине какого-то актера, а может, и кого-то другого, но все равно причастного к искусству. Их ведь нынче много мелькает на экране телевизора, таких толстых и лысых «дядечек» среднего возраста, внешность которых нередко вызывает улыбку, поскольку кажется, что все они туповатые и медлительные, но на самом деле это весьма деловая и даже жестокая братия, проворная и шустрая, словно россыпь ртутных шариков. И ездить они предпочитают на солидных «мерседесах». Нередко с синими «мигалками» и федеральными номерами. Спонсоры всякие там, продюсеры... Знала ведь их Ирина, наезжали они и в музыкальное училище, где она преподает, со своими туманными, мягко говоря, «спонсорскими заботами».

Ну, конечно, подумала и сразу вспомнила: на известного Марка Рудинштейна он похож, этот Игоряша, словно его увеличенная копия. Он тут и выглядит самым главным. Но тогда, может быть, на него не распространяются общие для всех остальных правила? А, зачем себе зря голову ломать с этой их дурацкой табелью о рангах? Пригласил, значит, имеет на то право. Не может ведь так быть, чтобы все остальные обитатели Солнечного тоже только и мечтали познакомиться с четоу Турецких! А что, все равно лестно в какой-то мере...

Пока размышляла, невольно пропустила часть Олечкиной болтовни. Но неожиданно прямо-таки восхитила одна деталь.

С самого начала обитатели Солнечного установили такой порядок, что кормить их должны только лучшие повара из наиболее престижных ресторанов. Дорого? Зато вкусно! И со временем, когда здесь перебивали уже бригады и из «Арагви», и из «Баку», и из «Пекина» – этих патриархов великих застолий, у «шефов» появилась даже негласная конкуренция: чья очередь следующая? А то! Наверняка и гонорары такие, что не каждому снились, и уважение особое, и много кое-чего иного, о чем хорошо известно людям, понимающим толк в «серьезных мероприятиях». Сегодня угощали так называемые «новые грузины», и они очень старались.

На огромном вертеле целиком жарили нескольких барашков. «Шашлык-машлык» – это само собой, но некоторые любят, чтоб от туши отрезать. Шеф торжественно колдовал: наблюдал, как помощники поворачивали ему туши то одним, то другим боком, нюхал, многозначительно качал головой, бросал им какие-то непонятные реплики низким гортанным голосом. Словом, творил спектакль, вот только зрителей у него не было, народ не торопился к столу и занимался своими делами.

Особенно весело было возле аквапарка. В огромный бассейн с небесно-голубой водой с хитроумных горок скатывались и полностью обнаженные, и едва прикрытые лоскутками тканей загорелые тела, хохот и визг стояли над всей округой, завораживая и притягивая к себе. Олечка уже звала принять участие, но Ирина постеснялась. Хотя теперь подумывала, что совсем и не рисковала бы уронить свое достоинство или что-то там другое, чего опасался Турецкий, предлагая ей вести себя скромно и осторожно. Чего опасаться-то? Но... раз решение принято, отступать не хочется, хотя становится довольно жарко. В конце концов, можно будет искупаться и после застолья, даже и лучше.

И они с Ольгой отправились дальше.

Несколько в стороне трое явных джигитов, красующихся яркими черкесками, эдак картинно разливали вина из специальных бочонков по узкогорлым и высоким глиняным кувшинам. Вин было много – и совсем темные, и красные, и светлые, даже прозрачные, будто хрусталь. Каждое, снова стала охотно объяснять Олечка, к своему блюду. Тебе знать это совсем необязательно, потому что обслуживать станут те, кому известно, как все должно быть. Они того, чего не положено, и сами не нальют.

Ирина мысленно рассмеялась: вот будет умора, когда в Шурика начнут вливать все эти «положенные» вина! Он же отродясь ничего, кроме рюмки водки – для аппетита, ну и коньячка – для здоровья, просто не приемлет. Скандалить, что ли, начнет? Предупредить, может, его заранее?

– А ты не хочешь чего-нибудь пока? Аперитивчик или винца? Давай у ребят попробуем? – Олечка кивнула на «джигитов», которые тоже поглядывали на красивых женщин, поигрывая пышными черными усами, но от важного своего дела не отвлекаясь.

Ирина взглянула на раскрасневшееся личико Олечки с пылко сверкающими голубенькими глазками, с искусственно взъерошенной белобрысой, почти девчоночьей прической, над которой эта лапочка трудилась, надо понимать, все утро... Затем она с интересом, как в первый раз, окинула взором всю ее крепенькую, сытую и ухоженную фигурку, словно сочащуюся отменным здоровьем и откровенным желанием, и подумала, что большинству мужиков, видимо, такие вот больше всего и нравятся. Не навсегда, нет, но на время, исключительно для удовольствия, – это уж точно. Для здоровья, как они выражаются. Один взгляд Турецкого, когда Лера представляла своей подруге прибывших гостей, подтвердил Ирине, что все мужики в обязательном порядке козлы. И никуда ты от этого обстоятельства не денешься. Значит, и главная задача твоя заключается, в сущности, в том, чтобы «козлиные замашки» были направлены на дело. А не на безделье. Либо на веселые прогулки где-то в чужом огороде.

– Рюмочку винца, говоришь? – усмехнулась Ирина. – В самом деле, а почему бы и нет? С удовольствием. Но это удобно? Люди же все-таки делом заняты.

– Ха! – было ответом. – Эй, ребята! – воскликнула Олечка. – Ну-ка, быстренько дайте попробовать, что вы нам там наливаете! Небось одеколон какой-нибудь?

С обслугой, это было хорошо заметно, Олечка вела себя независимо и даже позволяла себе покрикивать. И в настоящих напитках, видимо, тоже понимала толк.

Старший из виночерпиев наигранно сердито распушил усы и, форсируя звук «э», закричал:

– Э-э-э! Зачэ-эм так обижаэ-эш, красавица? Гдэ-э ты видишь «парфумэ-эрий», да? Иды сюда, сама смотри! И ти тоже иды! – Он широким жестом пригласил Ирину. – Всэ-э идите! На, пробуй, что хочешь! – Затем были брошены несколько горячих фраз, вероятно, по-грузински.

Рыжеусый «джигит» помоложе, но с такими же, как у старшего, глазами, горящими вечной страстью, жестом фокусника добыл откуда-то пару сверкающих стеклянных бокалов. Он покрутил их между пальцами, после чего почтительно протянул женщинам. Третий виночерпий по указанию старшего налил в бокалы из кувшина золотистое вино.

– Кушай, пожалуйста! – жестом полководца взмахнул рукой старший. – Нигдэ-э большэ-э нэт... такого замечательного вина! Собственный виноградник! Хочешь, приезжай! Любимый гостя будэш, да?

– Видала, чего делается? – искренне восхитилась Олечка. – Тут ходи да успевай оглядываться! Такие орлы! Сопрут ведь и в Грузию отправят! В свой гарем, да? – наивно поинтересовалась она.

– Зачэ-эм гарэм?! – возмутился главный виночерпий. – Любимый женщина будэш! Пэрвий женщина!

– Как «первая»? – Олечка со вкусом отпивала вино и веселилась от души: – У тебя разве до сих пор ни одной женщины не было?! А чем же ты тогда занимался?

– Вах! Ну зачэ-эм совсэм обижаэ-эш? Были женщина, конэчно, много были. А ти все равно сами пэрвий женщина! Главный, да?

Этот наигранный темперамент, надоедливый акцент, якобы кипящие страсти скоро утомили. А вот вино было действительно чудесным. Очень ароматным, чуть сладким и тягучим. Только в прежние годы, когда удавалось еще спокойно съездить к Черному морю, куда-нибудь в Гагру, в Пицунду, там и можно было пить подобные вина. Сколько хочешь. Буквально за копейки... Но после войны, говорят, там уже делать просто нечего. Разруха и бедность. А этот, у которого «собственный виноградник», наверняка врет. И вина эти замечательные он скупает у тех, кто их сам продать не может, вывезти ему власти не позволяют, вот и отдает спекулянтам. Бизнесменам, иначе говоря.

Ирина поймала себя на том, что вопреки всякому желанию иной раз уже и сама невольно мыслит, как упертый супруг. Который в настоящий момент неизвестно где находится, а вот его жену с минуты на минуту могут запросто похитить заезжие абреки. Завернут в одну из бурок, которые валяются вон там, в стороне, и умыкнут! А ты что станешь делать, Александр Борисович, вдогонку мчаться и стрелять из своего «макарова»? Или махнешь рукой? И заведешь собственный «гарэм»?

Так как постановка вопроса была неверной уже изначально, размышлять над ответом не требовалось. Напротив, думая об этом, Ирина вполне могла бы забрести в такие дебри, где ее определенно поджидала затаившаяся ревность. Это ведь только кажется, что она вооружает. На самом же деле полностью обезоруживает, затмевая реальность и подсказывая наиболее каверзные и опасные ходы. «А зачэ-эм?» – как выражается этот черноусый. Вот и Олечку, кажется, пора уже отвлекать от флирта, а то у нее глазки не просто лучатся, а откровенно посверкивают тревожащими огнями. И что здесь за публика такая?! Если судить по той же Ольге, так просто похотливые мартышки.

– Спасибо, очень вкусно, – спокойно сказала Ирина, отдавая опустевший бокал и поворачиваясь, чтобы уйти дальше.

– Как, а еще? – воскликнула с видимым огорчением Олечка. – Мы же розовое еще не попробовали!

– Да! Нэ надо торопиться! – с восторгом закричал черноусый.

– Можно ведь то же самое проделать и за столом. Кто запрещает? – возразила Ирина.

– Ну, как хочешь, – буркнула Олечка, поставила на пустой бочонок свой бокал и пошла следом за Ириной. – Может, тебе не понравилось? Так надо сказать. И пусть привезут другое.

– Нет, вино-то замечательное, нет слов... Мужики эти... не очень приятные.

– Да-а? – прямо-таки изумилась Олечка. – Как-то не заметила... А ты чего, уж не детей ли с ними крестить собиралась?

Ирина обернулась к Ольге, оценила наконец ее откровенный, а вовсе не наивный, как почему-то вот только что представлялось, взгляд и захохотала. С таким вызовом, что та, похоже, обиделась. И даже помрачнела немного.

– Что я сказала не так? – спросила с вызовом.

– Да все так, Господи! Прелесть ты, Олька, честное слово!

И «девушка» вмиг отмякла и снова обратилась миленькой куколкой с броской сексуальной внешностью. А Ирина, наблюдая очередное превращение, подумала: «Да, девоньки, нравы у вас тут, как погляжу, простые... Совсем простые и незамысловатые...»

6

Большому обеду, назначенному на середину дня, должен был предшествовать так называемый полуденный ланч, проще говоря, перекусон, или чаепитие, с обилием всяческих закусок и некоторым количеством алкоголя. А как же иначе, ведь суббота.

Ирину с Ольгой позвали в дом Залесских. Там, на широкой открытой веранде под стеклянной крышей, которую все называли фонарем, был накрыт столик. Александр с Игорем уже были тут, полулежали в удобных плетеных креслах, что-то пили из маленьких рюмочек и потягивали кофе, очень, кстати, ароматный. И уж конечно не растворимый. Поскольку чашки были тоже миниатюрные, а для Турецкого так вообще непривычные. Он ее, бедную, с трудом в пальцах-то удерживал – за тонюсенькую ручку. Да, Шурик, это тебе не привычная кружка, куда вбухивается до полулитра темной бурды, именуемой крепким «кофием», способным, оказывается, заряжать твои усталые мозги дополнительной энергией.

Игорь, как вежливый хозяин, немедленно встал из кресла, едва дамы поднялись по лестнице на веранду. Взяв Ирину за руку, он подвел ее к креслу рядом с Турецким, после чего призывно поднял руку. И тотчас из дома «выплыла» исполненная достоинства, очень эффектная девица, ну точная копия горничной из какого-нибудь богатого бюргерского дома, как их изображали классики. Все на ней было словно из прошлого: пышное платье до полу, передник с кружевными оборками, туго затянутый на талии, отчего формы девицы обретали особую живописную пикантность, наконец, крахмальный кружевной чепчик на обильных рыжих кудрях. А глаза! С поволокой, с рожденья утомленные, они смотрели на мир с такой женской откровенностью, что любые вопросы тут, пожалуй, были бы лишними. В ее обнаженных до локтей, пухлых и белых руках сверкал серебряный поднос, на котором были расставлены такие же, как у Турецкого, чашечки. И аромат от них струился воистину умопомрачительный. Стол же был полностью заставлен маленькими тарелочками с разнообразными бутербродами, пирожками, замысловатыми пирожными, печеньями и прочей легкой закусью.

– Прошу отведать! – как-то даже излишне изысканно предложил Игорь Ирине, помогая ей сесть и придвинуть кресло поближе к столу.

Вот это да! Подобное Турецкому, поди, и не снилось! Ирина с торжеством посмотрела на мужа, а он... Ах, негодяй! Он в открытую буровил глазами эту рослую и упитанную рыжую «шоколадницу», нагло подмигивал ей, словно сообщнице по каким-то темным делам, и вообще вел себя ну совершенно непристойным образом. То есть абсолютно ни на что не обращал внимания, будто ни жены его рядом не было, ни вообще... Надо же! Ведет себя... как хочет! А сам что говорил, когда ехали в гости? И потом, ведь пришли дамы, вот и Лера появилась из дома, правда, казалась она чем-то не в меру озабоченной. Или просто недовольной. Возможно, у нее была на то причина, хотя демонстрировать свое скверное настроение при гостях вроде бы не следовало. Но Игорь понимающе покивал Александру и незаметно махнул рукой: мол, не берите в голову, образуется...

Сам он по-прежнему не садился. Правда, за Ольгой не ухаживал, этой своей соседке он просто показал на кресло, а вот жене, как и гостье, подвинул. Наконец и сам устроился, сказал:

– Давайте, девочки, перекусите! И отдохните, еще нагуляетесь. А то пока дойдет до обеда, можно ведь и похудеть, верно, Саш? А ты, Верочка, – обернулся он к пышнотелой своей горничной, – погляди-ка нам как бы еще чего-нибудь вкусенького. Ребята, чего хотите? Саш, что скажешь про коньяк, ничего? А может, желаете пивка холодненького? Девочки, не стесняйтесь! Ирина, скажите, ну чего бы вам сейчас больше всего хотелось?

– Говори, не бойся, – снисходительно-небрежным тоном разрешил Турецкий.

– Шурик, не валяй дурака, – спокойно отфутболила Ирина.

– Ой, она тебя Шуриком зовет?! – в восторге воскликнул Игорь. – А мне можно? Ну хоть по старой дружбе, Саш!

– Тебе, Игоряша, все можно, – печально вздохнул Турецкий. – Ирка, а кофе, между прочим, мировой. Даже я такого никогда не пил. Попробуй, тут дело, конечно, не в рецепте, как он мне нагло врет, – Александр ткнул перстом в хозяина дома, – тут, дорогая моя, качество продукта, вот что самое главное. Попроси, может, он для тебя лично расщедрится. А из этого продукта я и сам сварю, дай боже! Верно, Верочка?

И величественная, словно императрица, горничная вдруг страстно округлила голубые глазищи и... благосклонно кивнула. Ирина едва не поперхнулась действительно замечательным кофе. Это что ж тут делается, граждане?!

– Ладно, Сашка, – кивнул Игорь, – вопрос больше не обсуждается, принципиально. Получишь ты этот свой «продукт», можешь не сомневаться. Лерик, не забудь, пожалуйста, когда завтра соберемся провожать наших дорогих гостей. И Шуриком я тебя, так уж и быть, звать не буду, потому что для меня ты, как был, так навсегда и останешься Сашкой, а еще Турком, понял? Вот так, учти, старик... А что, Ира, нравится вам здесь?

– Очень. Отдыхать одно удовольствие. А вот работать? – Она засмеялась.

– Умница, в самую точку. Но здесь, – постучал он пальцем по столу, – у нас никто и не работает. Здесь... как это? Тихая заводь. А работа – она там. – Игорь вздохнул. – Вот и ваш замечательный супруг это хорошо понимает... Ты, старина, между прочим, на досуге-то прикинь все-таки мое предложение. С ходу ведь как бы не стоит ничего отвергать, верно? Сегодня одно настроение, завтра – совсем другое, а послезавтра вообще, может быть, в петлю потянет...

– Ну, у тебя, старик, и планы!

– Брось, все мы человеки... И семьи у нас. И жены-красавицы, верно? Слушай, Лерик, а почему я Светки не вижу?

– А они все там, Игорь Валентинович, на бордюре гоняют! – вмешалась Ольга. – С раннего утра, разве вы не слышите?

– И Светка там? – словно бы удивился Игорь.

– А ты будто не знаешь! – хмыкнула Лера. – Как обычно, с Колькой этим. С Найком.

Ирине показалось, что сказано было это мачехой Светланы со скрытой долей неприятия, пренебрежения, что ли. И явно – с неудовольствием.

Кое-что ей уже стало известно о взаимоотношениях женщин в семье Залесских, Олечка успела натрепаться. Не сплетни, нет, а так, как говорится, по-соседски, о чем в поселке практически всем известно. Просто не обсуждается, поскольку и особого повода тоже нет. Сказала, что Валерия и Светлана не переносят друг друга, хотя в принципе вполне могли бы стать подружками, ведь между ними всего и разница-то – меньше десятка лет. Светлане пошел шестнадцатый, какая уж там девчонка, девушка, считай, местными парнями верховодит, с характером, чертовка. И настоящей красавицей растет. А Валерия, к примеру, в компании человек замкнутый и мало интересный. Натура, в сущности своей, склочная, вероятно, по этой причине и возникают у Залесских все семейные конфликты.

Ну а особое место в доме занимает Вера – Верочка, Верунчик, Веруся – в зависимости от настроения хозяина. Откуда она взялась, никто не знал, но было известно, что Игорь трогательно опекал ее, как свою дальнюю родственницу, какую-то там «много... юродную» племянницу. А что она помогает в доме по хозяйству, так мало ли какие бывают у двадцатилетних девиц капризы? Валерия поначалу была недовольна постоянным присутствием в доме какой-то там племянницы, но потом смирилась и перестала обращать на нее внимание. Хочешь быть прислугой – твои заботы. Но тогда и соответствуй положению. А еще ее, возможно, устраивало то обстоятельство, что и со Светкой у Веры также отношения как будто не складывались. Вот и жила «родственница» как бы сама по себе, изредка «выплывая» к гостям то в облике зна-

менитой лиотаровской шоколадницы, то лукавой декамероновской Перонеллы, а то сдобной рубенсовской дамы. На это у нее фантазии, во всяком случае, хватало. Каким же было конкретное «участие» Игоря Валентиновича в ее судьбе, в поселке не обсуждалось. Или, если и обсуждали, то исключительно в своих стенах, не вынося мнений наружу. В конце концов, если это Игорю надо, значит, пусть так и будет.

Но вообще-то народ догадывался, что Игорь Валентинович разве что при гостях выглядит самостоятельным и независимым: покрикивает, приказывает, пошумит даже иной раз. А на самом деле дома он по большей части под Леркиным каблуком. Такой вот парадокс. И, вполне возможно, что именно эта Вера и являлась в какой-то степени тем щитом, которым Игорь прикрывался от Валерии. Или чем-то большим, кто их разберет...

Зато на службе, в банковской своей ассоциации, там да, там он – голова и самый крупный начальник. И все, кто работали вместе с ним, были, пожалуй, одинаково прочно завязаны на Игоре Валентиновиче. И не только финансово, хотя и этот вопрос необычайно серьезен. Тут другое важно.

Фонтианирующий смелыми и рискованными идеями, Залесский сумел в свое время собрать и сплотить вокруг себя сильную группу людей, занимающихся банковской деятельностью. В те времена, естественно, тоже рискованной, потому что именно тогда можно было делать деньги «из воздуха»: только еще создавались крупные капиталы, возникали мощные финансово-промышленные группировки, которые впоследствии станут диктовать свою волю и президенту страны, и ее правительству. Ну, пытаться это делать, во всяком случае.

Он же затем организовал и так называемую Малую Ассоциацию коммерческих банков, работающих исключительно с мэриями крупнейших центров России.

Следующим шагом стал этот поселок Солнечный, в который вложены баснословные средства, зато и жители его могли в дальнейшем буквально ни в чем себе не отказывать.

Так что, как говорится, дружба дружбой, но хозяева коттеджей, сильно смахивающих на стилизованные средневековые замки и начиненных при этом всеми доступными удобствами, оказались людьми сплошь состоятельными, обладающими сказочными возможностями. А если пока они не слишком на виду, в смысле не мелькают постоянно на телеэкранах и газетных полосах, то и на это имеются свои веские причины. Каждый плод должен созреть. Вот такая философия.

И все это Ирина поняла из легкомысленной болтовни Олечки, пока бродили по парку, вдоль воды, смотрели, восхищались и так далее. Разумеется, не этими конкретно понятиями оперировала Ольга, однако смысл оставался именно таким. Наверняка и возможности, да и потребности Залесского были чрезвычайно высокими.

Но теперь Ирину заинтересовали слова Игоря о каком-то его предложении, сделанном Турецкому. От чертова Шурика ничего же толком не добьешься, ему бы все шуточки да хаханьки. А ведь пахло чем-то весьма аппетитным, мягко говоря. Он и сейчас делает вид, будто безумно утомлен жизнью, что все ему надоело, что удовольствия никакие не нужны, и если бы окружающие не противились, он бы с наслаждением закинул свои ходули да хоть на те же перила террасы и подремал бы себе в охотку. Ну и зануда же ты, Турок! Правильно тебя в школе дразнили! Зря, подумала Ирина, раньше об этом не слыхала, стал бы ты тогда у меня Шуркой, как же!..

– Саш, – обратил внимание на Турецкого хозяин, – может, ты вздремнуть хочешь? Или, если желаете, можно как бы баньку устроить, а, девочки? Очень, между прочим, славно перед обедом!

Женщинам такое предложение показалось чудовищным. Идти распаренными, потными и красными к столу?! Где столько мужчин! Это ж себя не уважать! Не говоря об окружающих. Ну разве что завтра с утра...

А вот Александр Борисович почему-то сразу согласился. Будто только и ждал подобного предложения. Завтра, мол, какой уже пар! Завтра домой ехать...

И мужчины заторопились. Игорь велел Вере, явившейся по его зову и картинно застывшей в дверях, принести вниз, в подвальный этаж, где была оборудована отличная баня – и финская сауна, и российская парилка с каменкой, на любителя, и даже приличный, двадцатиметровый бассейн с морской водой, – все необходимое для чисто мужского священнодействия.

Прозвучало это, надо сказать, несколько двусмысленно. Что немедленно и отметила Ирина, даже пожалевшая на миг, что так легкомысленно отпустила супруга с заметно посверкивающими глазками явно в какой-то «чужой огород». Но что делать, переменить решение – значит продемонстрировать свою неуверенность. В чем? Господи, да в чем вообще нынче может быть полностью уверена любая женщина! Кто бы подсказал...

И еще один примечательный, хотя и краткий, диалог состоялся у мужчин.

– Пивка-то прихватим? – спросил Игорь и сделал Вере знак подождать.

– А что у тебя? – уже деловито осведомился Турецкий.

– Прикинь на выбор: «Варштайнер», «Бремен», если желаешь, есть даже «Бель-вю».

– Э-э-э... – важно поморщился Турецкий. – «Бель-вю» пусть женщины пьют. И шоколадками, понимаешь, закусывают. Ну что, в принципе ассортимент у тебя, гляжу, неплохой. Я бы остановил внимание, пожалуй, на... «Варштайнере». Опять же древняя история, то, понимаешь ли, другое... Лет с полтыщи-то наберется? И охладить бы градусов этак... до десяти, не возражаешь?

– А за горлышко свое, господин государственный советник, не боитесь?

– Так не зима ж! И в бассейне у тебя наверняка никак не меньше двадцати, точно?

– Двадцать три, – будто оправдываясь, ответил Игорь. – Не то?

– Перебьемся... – вздохнул Турецкий. – Значит, десять, и не больше. Да, Верочка, а еще нам бы очень желательно... ага? – Турецкий сделал плавный и волнообразный жест обеими руками, изобразив нечто, напоминающее не то гитару, не то женский торс, после чего словно бы легонько приклепнул по этому самому воображаемому торсу ладонью, что выглядело как-то уж очень двусмысленно. – Как считаешь, Игоряша?

Игорь плотоядно ухмыльнулся, кинул пухлую ладонь на лысину, будто поправляя несуществующую прическу, и многозначительно кивнул. Отлично все поняла и эта рыжая. Она скромненько так улыбнулась, но заметно взбодрилась, будто получила весьма приятное предложение, однако голову склонила церемонно: мол, хорошо, и это вам тоже будет сделано.

Ирина с неясной тревогой взглянула на хозяйку, на Олечку, но те в ответ лишь иронически хмыкнули и равнодушно пожали плечами, будто происходящее им было совершенно не интересно.

«Нет, – в который уже раз за сегодняшний день подумала Ирина, – что-то здесь определенно не то... Ну, что Турецкий тут уже как рыба в воде, это ясно, с его-то профессиональным нахальством иначе, наверное, просто и нельзя. Один только разговор о сортах пива чего стоил! Можно подумать, будто Шурик с утра до вечера только и делает, что дегустирует все эти „Варштайнеры“ с „Бременами“. А она и названий-то таких не слыхала. Но что означала эта не очень понятная игра жестов? Наверняка ведь что-нибудь непристойное, к чему все здесь, похоже, давно привыкли, и уже ни на что не обращают внимания. Игорь же прекрасно понял, чего хотел его школьный друг Александр Борисович! А об этой рыжей „родственнице“ с жутко порочными глазами и говорить нечего!...»

Ирина вдруг поймала себя на том, что совсем недавно, буквально полчаса назад, примерно в таком же духе рассуждала и по поводу той же Олечки, только еще подозревая, что с легкой руки Турецкого попала в рассадник порока. Но теперь невольные подозрения все больше обретали черты реальности. Ну, ладно, Ольга! Семьи тоже бывают разные, что-то не сложилось, хочется новизны, того, другого. Трудно упрекать человека, когда не знаешь, чем

он живет. Однако с этой-то дивой ведь все предельно ясно! К таким вот, как она, почему-то больше всего и тянет мужиков. Но как Шурик-то обрадовался, когда женщины отказались с ними париться! Или Игоряша этот почему ухмыляется, будто они с Турецким устроили заговор против собственных жен? Да какой там, к чертям, заговор, если у них на физиономиях написано, что все мужики – козлы? Ну, может, не все, но почти, это точно. Вот только где те, которые составляют исключение? Но снова спрашивать, а тем более допытываться, что там, в бане, может быть, – это Ирина сочла ниже своего достоинства. Оставалось, правда, еще надеяться, что Турецкого не занесет и он не забудет, что приехал сюда не один, а вместе с супругой. На которую, между прочим, тоже все обращают внимание... И зря об этом как-то постоянно забывает господин «важняк»!

7

Турецкий вышел из «врачебного кабинета», аккуратно прикрыл за собой дверь, подтянул плавки и в прямом смысле рухнул в голубую, подсвеченную до бирюзового блеска, воду. Под водой резво промахнул почти треть бассейна, вынырнул и пошел дальше мощным баттерфляем. Оттолкнувшись от противоположного бортика, заторопился назад уже кролем, поднимая вокруг себя волны, будто колесный пароход. Пройдя, таким образом, положенную сотку, подплыл к лесенке и опрокинулся на спину, раскинув руки. Тело отдыхало.

Черт его знает, как оно получилось, но теперь-то чего рассуждать?..

...Они расположились не в сауне, а в русской парилке, когда температура там подползла к ста двадцати градусам. Александр только что в охотку «отходил» жирное тело Игоря парой отлично распаренных пихтовых веников. Залесский орал так, будто оказался жертвой группового насилия. Турецкий хохотал и продолжал лупить его от всей души, опаливая нагоняемым жаром так, как не пожелал бы и врагу. Нет, ну, конечно, никакого изуверства, все, в общем-то, по науке, хотя вполне можно было бы и полегче.

Потом, пока Игорь, жалобно охая, бултыхался в почти ледяной воде отдельной «бочки», прошелся и по собственному телу. Но явившийся обратно в парную взбодрившийся Игорь заявил, что теперь его, Турецкого, очередь ложиться на полоч. И вот тут уже олигарх, мать его, отыгрался на все сто! Сильный, зараза! Это только казалось, что если человек толстый, так обязательно рыхлый. Вовсе нет, но он еще и злопамятным оказался! «Ты, говорит, меня помучил, теперь сам никакой пощады не жди!» Ну никакой жалости, ни малейшего почтения к телу все-таки генерала от юстиции.

Впрочем, и это терпимо. Подобная встряска не бывает во вред нормальному организму. Исключительно на пользу.

И вот, когда они полулежали в предбаннике, больше напоминавшем небольшую гостиную, на кожаных диванах, застланных пахнущими морозной свежестью простынями, и, лениво перебрасываясь фразами о закончившемся судебном процессе, потягивали из высоких стаканов золотистое, мягкое пиво, к ним вошла Вера.

Ее вызывающе белое, прямо-таки ослепительное, полное тело было закутано странной прозрачной тканью, от складок которой скользили голубоватые тени, придававшие общей картине воздушность и нереальность. Было ли на девушке надето еще что-то из купальных принадлежностей, Турецкий сразу и не разглядел, но уже одного только взгляда на нее было достаточно для того, чтобы он немедленно сел и кинул на колени скомканную простыню. А эта штука у нее, вспомнил он где-то услышанное, кажется, называется «парео». Или что-то вроде того.

Она подошла к низкому столу, на котором стояли бутылки с «Варштайнером». Не спрашивая у дяди разрешения, взяла одну из них, откупорила и стала сосать прямо из горлышка, не обращая внимания на поднос, уставленный чистыми бокалами. Скосив глаза, она заметила откровенное изумление Турецкого от этакой «простоты нравов» и хитро подмигнула ему. Наконец, не отрываясь, прикончила бутылку, выдохнула «уфф!», вытерла пухлые губы локтем и... засмеялась:

– Блеск! Ну что, дядечка? Какие проблемы? Или они у вас, Александр Борисович? Не стесняйтесь. Скажи ему, дядя... – И она опять залилась смехом.

– Да, в самом деле, – закивал Игорь, – настоятельно советую. Верусенька ведь у нас будущий доктор! Ты не думай, будто она как бы ветреная какая-нибудь, она очень серьезный и знающий человек, вот! Это главное. Единоборствами занимается, да, девочка? Опять же превосходно владеет оздоровительной гимнастикой, между прочим. А уж массаж исполняет,

старик, куда там всем хваленным спортивным врачам! Очень советую. Если Верунчик, конечно, не возражает. Ты ведь не возражаешь?

– Неловко как-то... – проямлил Турецкий, старательно придерживая на коленях простыню.

– А чего неловкого? – развел руки в стороны Игорь. – Вера, отведи его в наш кабинет, заодно там и давление померь, погляди, чего надо, массажик сообрази, ну, как положено. А я тем временем еще один парок приму. Сашк, ты расслабься, почувствуй себя раскованно и, вообще, постарайся полностью скинуть напряжение! Давайте, ребята, двигайте...

Сказано это было спокойно и просто, без каких-либо там пошловатых намеков, задних мыслей, подковырок. И Турецкий поднялся и отправился за Верой, за этой «крупногабаритной» девушкой, которая, кокетливо оглядываясь, отправилась вдоль кромки бассейна к двери в противоположном конце помещения.

Игорь не обманывал. За дверью действительно была просторная комната, оборудованная как врачебный кабинет. Пара широких кушеток у стен, стол для массажа, стеклянный шкаф с наборами склянок, инструментов, пузырьков и прочей медицинской мелочью. Томограф на столике в углу, множество непонятных приборов. Даже зубо врачебное кресло с каким-то космическим аппаратом над ним. Ну, то есть все, что требуется в доме для оказания экстренной медицинской помощи.

– И вы всем этим делом непосредственно командуете, Верочка? – удивился Турецкий, оглядев помещение.

– Нет, в поселке есть свой врач. А я так, от случая к случаю, при острой необходимости. Понимаете? – и опять улыбнулась, эротично облизнув губы, сложенные пухлым колечком.

Очень наглядное объяснение, отметил про себя Турецкий.

– Но ведь вы готовитесь стать врачом? Чем же не практика?

– Доктору, которым предстоит стать мне, все эти глупости скорее всего не понадобятся, – заметила она с непонятным вызовом и, картинным движением сняв свое «парео», небрежно кинула легкую ткань на одну из кушеток. После этого достала из шкафчика тубик, выдавила на ладони какой-то крем, растерла его и, подняв руки, словно хирург перед операцией, повертела ладонями. Кивком указала на стол для массажа, на котором была уже разостлана накрахмаленная простыня.

– Прикажете лечь? – усмехнулся Турецкий.

– А вы разве пришли сюда с другой целью? – наивным тоном спросила она.

И уставилась на него такими невинными глазищами, что Турецкий понял: все, хана! Вот же она, статья сто тридцать четвертая Уголовного кодекса Российской Федерации: «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего...» Нет, это в старой редакции, а в новой дошли уже до четырнадцатилетнего возраста... послабление сделали для себя господа депутаты, ага. Но все равно «наказывается лишением свободы на срок до четырех лет»!

– Я, Верочка, почти уверен, что такой восхитительной девушке, как вы, должно быть отлично известно, почему мужчины смотрят на вас с откровенным восхищением. И даже, извините, вождением. Я не прав?

– Ну то есть абсолютно правы, – спокойно ответила она. – Поэтому извиняться нет нужды. Могу только добавить, что девушке пошел двадцать третий год и она, по правде говоря, давно уже не девушка и, бывает, с не меньшим вождением посматривает на тех, кто и ей нравится. Поэтому не теряйте времени и ложитесь, а там посмотрим, чем мы сможем помочь друг другу.

Турецкий оценил текст, еще раз окинул необычайно аппетитную девушку откровенно «пожирающим взглядом» и готов был уже принять надлежащую позу на массажном столе, но все же не удержался от вопроса:

– На вас совершенно поразительный купальник. Телесный цвет, и разглядеть его можно лишь в упор. Должен заметить, чрезвычайно впечатляет. И форма, и содержание, вы понимаете? Это тоже, вероятно, одно из неперенных условий вашей замечательной оздоровительной системы?

– Ох! – легко вздохнула она. – И все-то вы знаете, все замечаете... Не боитесь упустить дорогое для себя время?

– Я здесь человек новый, местных условий не знаю. Системы безопасности, так сказать. Поэтому не возражал бы против вашей, Верочка, подсказки. Как?

– Элементарно, – улыбнулась она, – ложитесь на живот. А там посмотрим, как вы себя будете вести. Оп-ля!

Она шлепнула его снизу, словно ребенка, и Турецкий послушно растянулся на слишком, наверное, высоком даже для нее столе. Но Вера движением руки опустила его на нужный ей уровень. Твердые и сильные пальцы ловко прошли по его позвоночнику и начали выбирать каждый из позвонков отдельно. Через короткое время Турецкий почувствовал, что его стало клонить в сон. Пальцы девушки, колдовавшие на его шее, лопатках, пояснице, творили истинное чудо. Александр Борисович вдруг будто почувствовал каждую клетку своего тела, все в нем как бы ожило, затрепетало, запульсировало, откуда-то стала притекать легкость, придававшая ему поразительную невесомость. Но от наплывающего полного уже кайфа его отвлек звонкий шлепок по ягодице. Он повернул лицо к девушке. Та жестом показала, чтобы он перевернулся на спину. И когда Александр выполнил команду, посмотрела на него с юмором и сказала:

– А вот теперь ваши плавки, маэстро, будут совершенно лишними.

И не успел он что-либо возразить, как Вера одним ловким движением оставила Турецкого, что называется, в костюме Адама, то есть в том виде, в котором тот разгуливал еще до изгнания из рая. А железные пальцы снова побежали по груди к шее, потом обратно, к животу, ниже...

Турецкий теперь имел возможность вблизи рассмотреть девушку-племянницу. Сдвинув голову чуть в сторону, оглядел ее сильные, тугие икры, крупные, но вовсе не жирные, бедра, мощный, почти микеланджеловский торс, с рельефной лепкой груди. И вдруг с некоторым даже смятением обнаружил, что девушка-то, оказывается, полностью обнажена! Господи, и когда ж она успела все с себя скинуть?! Но ведь это же?... И тут он почувствовал, что и сам уже ни в коей мере не соответствует образу человека, остро нуждающегося во врачебном уходе. Заметила и Вера, лукаво и многозначительно ухмыльнувшись при этом.

– Ну вот, видите, Верочка, что получается? – якобы сокрушенно и даже слегка охрипшим от напряжения голосом сказал Турецкий, вовсе не испытывающий на самом деле никаких неудобств: сама виновата, зачем... сняла решительно?..

– Вы ни черта не смыслите в медицине, – чуть задыхаясь, тоже хрипло ответила она, резким кивком отбрасывая назад пышные рыжие кудри, закрывавшие ее покрасневшее лицо с немного уже опалевшими глазами. – Каждая мышца требует отдельного и глубокого массажа. Ясно? Ну так и не мешайте!

Александр Борисович увидел, как ее кудри снова рассыпались, теперь по его животу, трогательно так вздохнул и... закрыл глаза. Нет, для этих замечательных в их откровенности студенток-медицек в самом деле не существует ни секретов плоти, ни тем более каких-то препятствий морального плана. Как приятно иногда это осознавать!..

Спонтанно посетила мысль: какой превосходный сюжет для видеосъемки! Ну, на случай необходимости шантажировать одного известного «старшего следователя по особо важным...». Но мысль эта, как приплыла, так и размылась, не оставив и волны. В самом деле, есть вещи, прерывать которые просто нельзя, никто этого не поймет! А потом, брось, Турецкий, не льсти себе, кому ты тут нужен? Ну а если нужен, то уж Игорь-то должен понимать, что подобными методами он все равно ничего не добьется, кроме кучи неприятностей на собственную

задницу... А потом почему-то очень не хотелось думать о старом приятеле плохо, вот не хотелось – и все!

Между тем все более активные действия изумительной массажистки, владевшей, теперь уже было ясно, и запредельными тайнами своей профессии, близились, судя по ее сдавленным восклицаниям, к громкому финалу. Еще миг, и она, прерывисто дыша и нервно встряхивая кудрями, могла бы уже отпасть в сторону, подобно фиговому листу от чресел Адама, посчитав, что благое дело сделано. Но, не успев даже перевести дыхания, она просто вынуждена была оценить теперь и силу накаченных мышц своего клиента, как-то уж совсем бесцеремонно закинувшего ее на тот же самый массажный стол. Затраченные девушкой усилия точно пошли на пользу, что она немедленно и ощутила во всей полноте...

И вот Александр Борисович покачивался на легкой голубой зыби, созданной им же самим. И наблюдал, как из кабинета к бассейну вышла Вера, увидела его, махнула ладошкой. Потом она заметила на другом конце сидящего на бортике Игоря и пошла к нему. Да, но как пошла! Опытный глаз следователя фиксировал каждое движение девушки с откровенным восхищением. Вот что такое уметь подать себя! Она села рядом с Игорем, спиной к бассейну. Турецкий продолжал наблюдать за нею и думал, что тело у нее в определенном смысле просто идеальное, высший, можно сказать, класс. Ну вот, и сам оценил наконец! Раньше просто не было никакой возможности, не до эстетики, ибо совсем другие задачи стояли. И были решены многократно и в стремительном темпе. Оттого, верно, теперь и походка у девушки стала плавная, сытая такая, удовлетворенная... О чем, интересно, они так оживленно беседуют? Неужели делится свежими впечатлениями? Но зачем?

Он без плеска подплыл ближе, к самому бортику за их спинами, ухватился пальцами за водяной сток.

– Да ты чего? – говорила Вера. – Он прямо ненормальный какой-то! Я в его руках птичкой порхала! И это я! Ты только прикинь! Почти сотня кэгэ!

– Ну, так чем тебе плохо? – засмеялся Игорь. – Ишь ты, голубка-скромница! – Он закинул руку ей за спину и шлепнул по оттопыренным ягодицам.

– Я ж говорю, душу вынул... Так что танцы сегодня отменяются.

– А он-то как, доволен остался?

– Сам спроси... Доволен небось. Ну, силен бродяга... А все твои друзья, Игорек, против него щенята.

– Может, еще хочешь?

– С ним сколько угодно! – Она обернулась к воде. – Эй, а куда это он подевался? Только ведь сейчас на том конце был!

Турецкий вмиг набрал воздуха, ушел под воду и с шумом, словно дельфин, выпрыгнул рядом с ними, обдав их фонтаном брызг. Восторженно закричал:

– Во, ребята, как надо нырять! Почти сотня метров! – и стал подтягиваться на бортик.

Девушка тут же поднялась, обеими руками взяв его под мышки, помогла выбраться, погладила ласково по мокрым плечам и, многозначительно кивнув Игорю, ушла в раздевалку. А Турецкий сел на ее место.

Игорь искоса посмотрел на него, усмехнулся и покачал головой.

– Ты чего? Что-нибудь не так?

– Ноу проблем, Саш. Не бери в голову. Все так.

– Извини, наверное, нехорошо получилось, Игорек, не сдержался... Опять же – твоя племянница...

– Слушай сюда. – Игорь почти вплотную приблизил губы к уху Турецкого. – Она мне такая же племянница, как ты – принц Филипп. Но знать теперь об этом будут четверо: ты да я, да жена моя. Ну и сама Верка, конечно. Она, Саш, отличная деваха. Безотказная, честная и не сволочь. Я ей помогаю учиться, красиво жить. Квартиру ей сделал, здесь у нее вроде дома

родного. И отношение как к своей. У нас ведь с Леркой... как бы тебе объяснить? Ну, нету постоянных отношений. А после сеанса массажа иногда что-то, глядишь, и получается. Но не афишировать же свои трудности, верно? И Лерка не в обиде, потому что твердо знает, что для нее я всегда все, чего она захочет, с неба достану. Такие вот дела, старик. Только это я тебе как старому товарищу, да?

– Можешь не сомневаться, уже умерло.

– А ты, скажу тебе, оказывается, еще молодчина! – Игорь с уважением окинул Турецкого взглядом. – Верка так прямо обалдела, говорит: давно такой кайф не ловила. А уж она-то понимает! Да ты и сам наверняка оценил ее таланты, а?

– Какой-то у нас с тобой бабский треп пошел, не чувствуешь? – Турецкий поморщился.

– Как бы, Саш, исключительно – как бы! Объясняю почему. Потому что я тут все своими руками возводил и знаю, как собственные пять пальцев. Кто с кем живет, кто чем дышит, даже на кого дышит. Это не самое лучшее, что нужно человеку в моем положении, но за неимением, как говорится, гербовой приходится писать и на туалетной, ничего не поделаешь, старик. А тут, я заметил, на тебя уже кое-кто начал «косяка давить». Но Ирина твоя мне нравится, и скандальчика, даже случайного, я не допущу, понимаешь?

– Ничего не понимаю! – потряс головой Турецкий. – Популярно можно?

– Так, рисую панораму. Наша Оленька является законной супругой Семы Рывкина, моего председателя совета директоров, понятно? Он сейчас во Владике, с тамошним губернатором ведет переговоры. И будет еще с неделю, не меньше. Сему надо просто однажды увидеть, и все вопросы отпадут сами. Как и желание становиться у него на дороге. Помнишь, всякую матату про одесских биндюжников? Так вот, он один из них. И ума, и юмора ровно столько же. Но мужик – камень, за что ценим особо. А Ольга, между нами, мировая сучка. Как Семы нет, у нее сразу тоска. И это не Верка, которая, если я не велю, никому не даст. Она, между прочим, борьбой этой японской занимается.

– Сумо, что ли? – догадался Турецкий.

– Во-во, ей самой. Ну и как она тебе показалась, старик?

– В первый раз такое потрясающее тело в руках держал. А с виду кажется раскормленной такой девушкой...

– Точно, металл... Я тебе что скажу? – Игорь снова доверительно наклонился к Турецкому: – Если появится желание, она сегодня будет весь вечер у себя. Это на третьем этаже, вторая дверь по коридору направо. Можешь не стучать. Возражать она не будет, даже наоборот, только вот... кувыркайтесь там потише. Шума чтоб не было. А что касемо Ольки, тут такое дело. Вообще-то, если уж она решила, то тебя, конечно, где-нибудь трахнет, можешь быть уверен! – Он засмеялся. – Она сучка славная и тоже, я знаю, в этом плане весьма достойна, только болтать любит. Впечатлениями делится не всегда с нужными людьми. А так-то она вполне. Но советую все-таки быть осторожным. Держись за Ирину, тогда пронесет. А в принципе сам смотри, старик. Вечерком еще в казино заглянем, и там посмотришь наши кадры. Для тебя, скажу, выбор большой.

– Слушай, Игоряша, я что-то не пойму, какого хрена ты мне баб своих сватаешь? Ну, ладно, массаж тут, у вас, – дело тонкое. Можно сказать, неожиданное и даже чреватое. А остальные?

– Не будешь обижаться? Побожись!

– Вот крест святой! – Турецкий размашисто осенил себя.

– Только честно, не обижайся, я попросил кое-кого из своих, ты не знаешь, кинуть мне на факс резюме такое: что больше всего любит «важняк» Турецкий? Вот мне и доложили: сорт коньяка, круг друзей, особые привязанности, случайные связи и так далее. Вплоть до того, какие именно бабы тебе больше нравятся. Саш, мы ведь живем в открытом обществе, ну что ж поделаешь? Словом, поглядел я, чего мне больше следует: тебя бояться или как раз наоборот?

Может, лучше постараться тебя как бы приручить? Нет! – заторопился, заметив протестующий жест Турецкого. – Я в хорошем смысле! Кто скажет, какой ты стал сегодня мужик? Времени-то прошло вон сколько, все меняется, а мы – тем более. Так что я по-товарищески, как в былые годы, сечешь? Ну, короче, посмотрел я на такое твое досье и понял, что больше всего тебе, видимо, захочется просто хорошенько оттянуться. Но так, чтобы и супруга никакого ущерба для себя не поимела. Элементарно, как в сказке для дошкольников! – Он засмеялся. – А за Ирину свою не волнуйся, у нас на этот счет жесткая дисциплина. Ее теперь Лерка выгуливает. Я им сказал, чтоб они все в аквапарк отправлялись. Там обстановка – самое то. Да уж и обед скоро... Ну что, примем еще парок? Последний, а?

– Давай! – решительно махнул рукой Турецкий. – Прямо растрогал ты меня своими откровениями, ей-богу, Игорек...

– А ты не торопись, – снова засмеялся тот, – главное у нас с тобой еще впереди!

– Уж и не знаю, спереди ли, сзади... Слушай, друг любезный, а на хрена тебе потребовалось вот так, напрямую, при моей жене говорить о своем предложении? На чем расчет строил? Что она немедленно отреагирует так, как надо тебе? Кукушку вербуешь?

– Ну, в общем, ты где-то прав. Но еще я хотел как бы кость им кинуть. Пипл пока не сечет, но свой базар начинает, вот мозги и заняты. А мы с тобой тем временем на парок с массажем. По делу? Политика это, старик! – Игорь прямо-таки сиял от собственной изобретательности.

– Ну ты и змей! – засмеялся и Турецкий.

– Так считаешь? А знаешь, что я тебе на это отвечу? Не помню сейчас, про кого говорили, из больших людей, может, ты вспомнишь... Так вот, тот обожал, когда его называли дьяволом. А в самом деле, оно ведь, должно быть, лестно, когда тебя почитают за дьявола, ага? Не за Бога же! Хотя и говорят: вон бог музыки пошел, или: а вот проехал в своем «мерине» бог финансов... Нет, ты про меня не подумай... Или еще там бог чего-нибудь. Но это ж не всерьез, а просто когда слов нету, так?

– Ну?

– А змей – совсем неплохо! Почему бы и нет? Змей – это характер!

– Ну, блин! – захохотал Турецкий. – И тут переиграл по-своему! А уверял, что ничем, кроме своих «бабок», не интересуешься! Так бог, говоришь, финансов? Ну, ты даешь, Игоряша...

– Ты уж совсем обо мне такого мнения, что... А я вот прикинул, чем тебя можно взять? Ну, на что бы ты с удовольствием клюнул? Не для давления там какого-нибудь потом либо ради чего-то другого, неприличного, нет. А вот чтоб ты и оторвался в охотку и шариками покрутил своими, – Игорь постучал себя по лбу согнутым пальцем. – А еще прикинуть, насколько рискованный ты мужик. В нашем ведь деле без риска ничего не обходится... Должен сказать, в полном порядке.

– А на чем же основывалась эта твоя проверка? Нет, погоди, сам скажу... Ты так решил: вот Турка уложим, девочка эта, сумоистка твоя, постарается изо всех сил, таланты свои продемонстрирует, а мы всю эту красоту – на пленочку! А после прокрутим Турку, вроде как посмеяться, полюбоваться на обоюдные старания. И сразу – предложение, от которого он уже не сможет, да вряд ли и захочет, отказаться. Верно мыслю?

– Исключительно как старому другу... – вздохнул Игорь. – Был такой соблазн. Но я отшел. И знаешь почему? Как на духу. Когда увидел вас с Ириной вместе. Понял, что всего-то и добьюсь, что по дури разобью вашу семью. Иначе говоря, выражаясь нашим языком, я не поимею никакого профита, зато сплошные лоссы. Если не хуже, если я вообще не окажусь в полной заднице, ты ж ведь у нас не пай-мальчик, а генерал юстиции, и месть твоя может оказаться ужасной! – Игорь сделал большие и испуганные глаза и принужденно хохотнул. – Но я прикинул...

– Все-таки прикинул, значит?

– Ага. Один умный человек неожиданно подсказал. Знаешь, как он выразился? Нравственность пасует перед эффективностью! Лихо?

– И чьи слова?

– Смеяться будешь. Про нашу с тобой жизнь, а сказал еще писатель Бальзак.

– И ты что, самого Оноре де Бальзака читал?! – изумился Турецкий.

– Ну, ведь так и знал, что спросишь... – смущенно хмыкнул Игорь. – Да нет, не читал, конечно, раньше времени не было, а теперь тем более, хотя, где он это сказал, знаю. Я по телевизору случайно услышал. Даже записал себе. А после по программе посмотрел. «Блеск и нищета куртизанок», ну, сам понимаешь, про кого. Но за себя ты можешь быть абсолютно спокоен. У тебя на хвосте, как вы говорите, никого нет. А Верка, значит, понравилась? Это хорошо, я был уверен. И что информаторы не ошиблись...

– Слушай, в гробу я видел твоих информаторов! Но мне все равно неловко...

– Передо мной ли? Да брось ты, Саш, не думай, будто я на бабах какой-то заикленный. Мои коллеги вон уже по десятку раз в ту же Паттайю смотались, на знаменитый тайский массаж. Не знаю, как он выглядит, но мне и Верки всегда хватало – во! – Игорь махнул ребром ладони над лысиной. – Как уверена моя благоверная, исключительно для здоровья. У нас с ней, кстати, вполне нормальные отношения, так что не бери в голову. Тем более что мы с тобой теперь как бы «молочные» братья.

– Значит, я в твоём мире ничего не нарушил? И без обид?

– Стопроцентно, старик! Если захочешь, можешь к ней и в Москве наведаться. Там тоже все удобства. Телефон – без проблем... Ну, пошли?

8

За длинным до бесконечности столом собралось около сотни человек, в основном мужья с женами. Младшего поколения все еще не было, хотя для детей отводилась противоположная от хозяина часть стола, весь пустой торец. Турецкому из «насельников» – почему-то вспомнился этот монашеский термин – были знакомы только трое, а он, оказывается, уже был известен большинству присутствующих. «Вот что слава с нами делает», – скромно шепнул он Ирине, но та непристойно фыркнула. Она вообще, едва появилась после водных горок, все время не то приглядывалась к мужу, не то принималась. И вообще, вела себя как-то подозрительно. Пришлось даже как бы вскользь поинтересоваться, не случилось ли с ней чего-нибудь такого, о чем она потом жалеть станет? Но она нагло показала супругу большую дулю, мол, так я тебе и сказала правду, и сразу, кажется, успокоилась.

Приятную миссию представлять Турецкого с супругой своим коллегам взял на себя, естественно, Игорь. Собственно, сам этот факт и являлся его первым тостом.

– Друзья мои, – торжественно начал он, – разрешите на нашем традиционном субботнем сборище познакомить вас с именитым гостем, которого мы все давно и хорошо знаем. Заочно, господа! А сегодня наконец представилась счастливая возможность поприветствовать, как говорится, теперь уже очно высокочтимого Александра Борисовича Турецкого... Кто-то нуждается в пояснении? Ага, никто! И его не менее высокочтимую супругу Ирину Генриховну. Они оба сегодня наши почетные и единственные гости, господа. Так воздадим же, как у нас это принято!

И все мужчины дружно поднялись с бокалами и рюмками в руках в зависимости от того, кто и что собирался пить, дружно сказали: «Прозит!» – и так же единодушно опустошили посуду. Женщины не вставали, но все до единой сочли необходимым поймать взгляд Ирины и продемонстрировать ей свою приязнь. Видно, у них тут уже установился своеобразный ритуал. Веселые люди... Ну а дальше все покатилось обычным порядком.

Забегали официанты, предлагая и раскладывая по тарелкам те или иные закуски. Появились виночерпии в черкесках со своими многочисленными кувшинами, но ухаживать принялись в основном за женщинами. Мужчины сами знали, что хотели пить.

Какое-то время прошло в ознакомлении с содержимым собственных тарелок. Кто-то выпивал, не дожидаясь очередного тоста, кто-то просто запивал вином жутко острые от щедрых кавказских специй лобио, сациви, печеные баклажаны, давно забытые петушинные гребешки в ореховом соусе, шипящий на раскаленной сковородке сыр сулугуни... Запахи стояли одуряющие, и у всех проснулся зверский аппетит. Да и по времени пора, как-никак четвертый час, и, зная о шикарном обеде, кто захочет забивать пузо пусть и вкусной, но домашней пищей?

Наконец, выбрав момент, Игорь снова поднялся во главе стола. Посмотрел налево, на Александра, сидящего рядом с Валерией, потом склонился направо, к своей почетной гостье, – он специально так рассадил Турецких, чтобы самому ухаживать сегодня за Ириной, а Александр ухаживал бы за его женой. Полагал, что Саше с его легким характером удастся развеять непонятно почему кислое настроение Леры. Ну а самому Турку скучать никак не удастся, ибо слева от него давно уже ерзала на стуле отчаянно веселая Ольга. Посмотрел, молчанием призвал к тишине и заговорил. Негромко, не стараясь обязательно перекрыть тех, кто вел свои разговоры где-то в середине стола, ближе к противоположному его концу.

– Господа, пардон, и, конечно же, дорогие дамы! Я не буду напоминать вам о той поистине гигантской работе, которую буквально днями завершил Александр Борисович. Все мы газеты читаем, телевизор смотрим... Да, да! – Он поднял руку, как бы извиняясь, ибо последние его слова вызвали неясный шумок, похожий на недовольство масс. – Разумеется, когда у нас на это остается время! Согласен с вами, господа! Но суть-то в том, что успешная деятель-

ность Александра Борисовича оказывает прямое влияние и на нашу с вами работу, вот в чем дело! Профессионала такого уровня, говорю вам искренне, встретишь нечасто. Да нет, о чем я? Нынче они почти уже вообще не встречаются, да...

– Извини, Игорь Валентинович, – не очень вежливо встрял в торжественную речь хозяина Турецкий. – Разумеется, чрезвычайно приятно бывает выслушивать в свой адрес панегирик, но, чтобы не выглядеть в ваших глазах, господа, этаким самонадеянным гусем, я просто вынужден процитировать одного древнего римлянина. Это все тот же Плиний-младший, Игорек, которого мы с тобой как-то поминали. Вот дословный перевод: «Я особой славы не заслужил, я только не вел себя постыдным образом». Дикси, господа! Еще раз извини, старина, можешь продолжать.

И Турецкий скромно потупился, успев, однако, заметить изумленные глаза Ирины. Да что заметить! Он и прочесть успел то, что она готова была «выпустить» ему: «Ну, блин, Турецкий!» И так далее, в том же примерно духе.

– Можно? Благодарю, старик, – нашелся Игорь. – Так вот, господа, когда мы с Сашей прямо с горшков пересели на одну парту в первом классе нашей старинной арбатской школы, мы, уверяю вас, и представить не могли, что однажды, почти через четыре десятка лет, судьба сведет нас в новом качестве. В качестве юриста самой высшей квалификации, – широким жестом указал он на Турецкого, – и... ну, тут уже ваше право судить о моих достоинствах... Пусть даже исходя из довольно точного высказывания великого историка. Кажется, его звали Секундом, да, Саша?

– Абсолютно верно, – солидно кивнул Турецкий. – Цецилий Секунд. У тебя отличная память, старина.

Вспыхнул и прокатился одобрительный смешок. Послышались восклицания:

– Скромность украшает героев!

– Не стесняйтесь, Игорь Валентинович!

– Все верно!

И совсем уже громогласное:

– Никто пути пройденного у нас не отберет! Ур-ра!

Снова смех. Но Игорь уже поднял руку, останавливая болтовню.

– Так вот, исходя из вышеизложенного, я взял на себя смелость, в чем готов немедленно покаяться перед вами, и сделал Александру Борисовичу от своего и от вашего, естественно, имени некое предложение, господа. Не пришло ли время нам с вами заняться основательным укреплением нашей довольно шаткой юридической службы? Дело общее, и решать его всем. Вы помните, я просил всех по возможности найти время и внимательно ознакомиться с материалами прошедшего процесса по делу Новоселова. Уверен, что мою просьбу вы не оставили без внимания. Ну, а раз это так, то и мое предложение Александру Борисовичу о возможном нашем дальнейшем с ним сотрудничестве не должно показаться вам странным. И неожиданным. Речь не идет о том, чтобы мы уже завтра с утра начали совместную деятельность, нет. Народ мы все серьезный, и у всех есть свои обязанности. Вопрос пока ставится в принципе. Если у вас нет именно принципиальных возражений, тогда я хотел бы еще раз поднять бокал за душевное здоровье нашего уважаемого гостя, ибо физического у него достанет на десяток нам подобных, господа! Говорю абсолютно искренне, поскольку недавно на собственной шкуре испытал силу веников в его руках. А я ведь, вам известно, давно уже в этом деле не любитель, а профессионал! Ну что ж, будь здоров, Саша, старый мой дружище! Очень надеюсь на сотрудничество! Прозит, господа!

Он наклонился к Ирине и уже спокойно добавил:

– Вы даже не представляете, Ирочка, каким уникальным кладом обладаете! Счастливая женщина! И ваше здоровье!..

И тут, словно по команде Всевышнего, внимательно наблюдавшего за дружеским застольем, как-то незаметно разбежались облачка, подул западный ветерок и рассеял дневную хмарь, пропал и навязчивый, приторно сладкий запах гари от вечно, кажется, дымящихся Луховицких торфяников. Выглянуло солнце, перевалившее полуденный рубеж, и миг стало жарко. Не в том смысле, что раньше было прохладнее, но теперь стало уже просто припекать. Игорь подозвал одного из охранников, как две капли воды похожего на тех, которые сегодня утром встречали чету Турецких у шоссе, и что-то сказал. И тотчас над сдвинутыми в линейку столами были укреплены широкие разноцветные зонты, придавшие всему «пейзажу» дополнительную праздничность.

– Игорь много о вас говорил последнее время, – с явным подтекстом сказала Валерия и уставилась на Турецкого чистыми, почти прозрачными глазами. Она, вероятно, ждала встречного вопроса. И Александр Борисович не замедлил оправдать ожидание:

– Что вы говорите! И чем же это я сумел заслужить его внимание?

– А то вы не в курсе! Ишь, хитрец! – и сказано было так, будто ей известны какие-то тайны, которые ее муж и Александр Борисович тщательно скрывают от всех прочих. – Но вам-то это простительно, вы ведь в нашей компании впервые. Ничего, скоро привыкнете... А что, Саша... можно, и я стану звать вас по-свойски?

– Вам, Лерочка, позволено все, что угодно, – прямо-таки расплылся в сплошном благожелательстве Турецкий. – Называйте, как хотите, как в голову придет. В ваших устах любое слово кажется песней.

– Батюшки, что делается! – восхищенно покачала она головой, обеими руками поправив тщательно уложенную прическу и демонстрируя при этом изящную линию рук. – А я здесь, в нашей деревне, уж и позабыла, как они звучат, эти мужские комплименты! Вы, оказывается, очень опасный человек! Наверняка от вас можно ожидать всяческих приятных неожиданностей, да?

«Господи, и эта еще... Да чем тут вообще мужики-то занимаются? Или даже интимную свою обязанность они переложили на собственных охранников? То-то ж при виде нового мужика у баб потихоньку едут крыши...»

Турецкий, конечно, не обольщался, но уже с начала застолья прямо-таки физически ощущал на себе давление разгоряченных женских взглядов.

– Нет, Лерочка, опасности я никакой не представляю, тем более для такой прекрасной женщины, как вы.

– Да? И вы считаете это обстоятельство поводом для особой гордости? – с иронией хмыкнула она.

– Можно, я вам сознаюсь кое в чем запретном? Но вы никому об этом не скажете...

– Ну, разумеется! Только говорите тише, а то на нас начинают обращать внимание.

– Хорошо, вообще, я мог бы нашептать и на самое ушко, но боюсь, что такой демарш с моей стороны сочтут слишком уж интимным... – Он вздохнул. Почувствовал, как сдержанно вздохнула и она. Тогда Турецкий все-таки склонился к ней ближе и, придав лицу индифферентное выражение, зашептал: – Когда я был молодым, возможность добиться вашей взаимности почел бы за честь. И высшее наслаждение. Но с тех пор в жизни, я имею в виду свою, появились некоторые принципы, отступать от которых мне было бы непростительно. Хотя иногда хочется чрезвычайно. Ну да, слаб же человек! Так и течет его героическая биография между «хочется» и «нельзя».

– Любопытная исповедь... Но я где-то слышала, что если очень хочется или, как ты заметил, чрезвычайно, то ведь можно, не так ли?

– Они подобны влажному хрусталу – такие ясные и зыбкие глаза твои!..

– Это стихи?

– Нет, это впечатление от вашего взгляда, Лерочка.

– Да? А мне показалось, что мы уже на «ты»? Вечно я тороплюсь... Вам левый бок, простите, не жжет?

Турецкий посмотрел налево, увидел напряженный взгляд Олечки, взял ее руку, легонько поцеловал самые кончики пальцев, отпустил и повернулся к хозяйке:

– Пожалуйста, напоминайте мне время от времени о моих мужских обязанностях за столом, а то я вовсе потеряю голову.

– Ска-ажите, какие мы!... – кокетливо протянула Валерия. – Ну, а как же насчет «ты»?

– По большому счету, требуется сначала выпить на брудершафт. Поцеловаться. Но такой шаг с моей стороны будет определенно расценен как наглая фамильярность. А мне не хотелось бы ставить... тебя в двусмысленное положение.

– Молодец, хорошо придумал. Продолжай в том же духе и обязательно добьешься удачи. Впрочем, вероятно, тебе уже не привыкать, да? Ты всегда добиваешься того, чего желаешь?

– Если бы в качестве почетного приза за удачу оказалась ты, я бы ни за что не отказался от участия в гонках. Но...

– А что тебя в данном случае не устраивает?

– Твой сосед справа, который подчеркивает нашу с ним старую дружбу при всяком удобном случае. И я совсем не возражаю, напротив, мне приятно находиться в вашей компании вот так, в застолье. О большем пока ничего сказать не могу, поскольку не готов принимать какие бы то ни было кардинальные решения. И потом, Лерочка, не будем забывать, что я – государев человек, что уже само по себе налагает определенные, довольно жесткие обязанности. Поболтать, потрепаться – одно, а вот крутые решения – совсем другое. Как бы мне не разочаровать твоего мужа...

– У меня потом будет к тебе один вопрос... Нет, не сейчас, – добавила она, заметив его нетерпеливое движение. – Я хотела сказать, что у тебя очень милая жена. Она умная женщина.

– В каком смысле?

– В том самом, в котором должна быть умной жена такого человека, как ты.

– Ты, вероятно, подразумеваешь мой образ жизни?

– Вера все сделала, что требовалось? – ушла она от ответа, но так, что он был уже и не нужен.

– Ах, ты вон о чем? Да, она прекрасная массажистка.

– И только? – Лукавая улыбка скользнула по ее губам. – Тебе, вероятно, предварительно достаточно популярно объяснили, что стесняться не следует? Главное, чтоб пошло на пользу, верно?

– Если рассуждать только о пользе, можно ведь очень далеко зайти...

– А кто мешает?

Она с напряженной теперь усмешкой положила ладонь на руку Александра, чуть сжала пальцами, будто скрепляя тайный договор, а потом незаметно и как бы нечаянно скинула ее со стола, да так неловко, что рука Турецкого совершенно непроизвольно оказалась на колене Валерии. Он хотел извиниться, но женщина неожиданно ловко закинула ногу на ногу и поймала его будто в капкан. Продолжая мило и непосредственно улыбаться и глядя в сторону, она вцепилась в его запястье и медленно, с нарастающим вождением, потянула его ладонь по своему обнаженному бедру, по горячей и бархатной коже.

Турецкий вспомнил, что, когда садились за стол, невольно обратил внимание на необычное платье Леры. Оно было сделано из широких и длинных, пестрых, азиатской расцветки, лент, при ходьбе весьма смело и заманчиво открывавших загорелые и, оказывается, идеальные в сексуальном плане ноги хозяйки. А когда она садилась и он помогал ей придвинуть стул ближе к столу, ну, тут можно сказать, вообще наступил момент полного отпада. Ее появление в таком виде было тем более неожиданным, что до этого Александр Борисович видел Валерию все время озабоченной, даже хмурой и, безусловно, чем-то недовольной. Это отметил, кстати,

и ее супруг. А неброское длинное домашнее платье делало ее старше своих лет, что Валерии вовсе не шло. В таком же обличье сердитой буки она отправилась вместе с Ириной и Ольгой купаться в аквапарк. Но теперь-то совсем другое дело! Серая гусеница волшебным образом обернулась восхитительной бабочкой! Конечно, она тоже не могла не увидеть засиявших от восхищения глаз гостя. И как же, интересно, реагирует женщина, когда заметит подобное? А вот так и реагирует... Так что пожинай, Турецкий, плоды собственного недомыслия.

– Ну, девки, – пробормотал сквозь зубы Турецкий, чтоб услышала одна Валерия, – да вы тут, похоже, совсем уже осатанели... вас лечить надо... срочно... – И он стиснул пальцами то, на чем остановилась рука.

Эта чертовка вздрогнула, изогнулась, снова вскинув обе руки к прическе, – для того, наверное, чтобы скрыть свое смятение. И это позволило Турецкому спокойно вынуть руку из-под стола. Даже почесать указательным пальцем кончик носа.

– Опасный, между прочим, эксперимент, – с улыбкой, негромко произнес он, прикрывая рот ладонью.

– Да? Ну, извини, – почти выдохнула она. – У нас тут если и есть врачи, то они способны облегчить разве что страдания мужиков.

– Ты красивая, вероятно, поэтому и нет нужды заниматься опасными поисками. Помнишь, кажется, в «Коньке-горбунке»: ты свистни, себя не заставляю я ждать, так?

Она посмотрела ему в глаза пристально, подмигнула и сказала, словно с укором:

– Обязательно надо свистнуть? А так уже и непонятно? – и, вдруг наклонившись ближе, произнесла почти зловещим шепотом: – Я тебе эту Верку еще хорошо припомню... Массаж ему... Ты и понятия, вижу, не имеешь, что такое настоящий массаж, мальчик...

Турецкий почувствовал, что неудержимо краснеет, и громко засмеялся, закрыв лицо ладонями, чем, естественно, сразу обратил на себя внимание. Продолжая смеяться, сказал Валерии:

– Нет, ну так рассказывать я, пожалуй, никогда не научусь! Ай, умница!

– Что? Что? – раздались голоса. – О чем у вас речь?

– Чудный анекдот!

– Расскажите и нам, Лера! Ну, пожалуйста!

– Старик, что ты сделал с моей женой? – воскликнул и Игорь. – Кажется, ты вернул ее к жизни! Она смеется! И даже анекдоты рассказывает?! А с утра была мрачнее тучи! Ты у нас волшебник, старик!

Валерия действительно смеялась, закрыв лицо руками, подобно Турецкому. Отмахнулась от слишком настырных приставал.

– Потом расскажу...

Всем было отчего-то весело. Но только один взгляд смутил Александра Борисовича – взгляд его собственной супруги. В глазах Ирины Генриховны любой проницательный человек определенно прочитал бы жгучую иронию. Но таковых в данный момент рядом не было, что Турецкого отчасти и обрадовало. А тут за столом возникло решительное шевеление, народ стал подниматься, чтобы сделать, как говорится, «перерывчик небольшой», немного размять ноги, покурить, хотя никто себе не отказывал в этом удовольствии и за столом. Словом, щекотливая ситуация как-то развеялась сама собой.

Турецкий подошел к Ирине, Валерия куда-то отлучилась, возможно, по хозяйским делам. Позвала с собой и Ольгу. Та ушла недовольная.

– Ну как, тебе с ним не скучно? – поинтересовался Турецкий, кивая на довольного Игоря. – Еще не заморочил тебе голову своими сальдо-бульдо?

– Слушай, Турецкий, – притянув к себе его голову руками, сказала Ирина в самое ухо, – у меня такое ощущение, что лучше бы нам не оставаться здесь на ночь, а потихоньку отправиться домой. Как? Или у тебя возникли некие планы охмурения местных баб?

– Ирка! – возмущенно ответил Александр. – Можно подумать, что ты меня первый день знаешь! Да чтоб при тебе, да на твоих глазах! За кого ты меня принимаешь?!

– Шурик, не надо. Ты еще рот открыть не успеваешь, а я уже знаю, что ты собираешься сказать, вот так. А потом я же видела глаза Лерки. Она же вся истомилась от твоего соседства. Не надо быть свиньей, Шурик. И вообще, цени хорошее к тебе отношение... Господи, как вы, мужики, просто обожают все вокруг себя портить! В общем, так, я сказала, а ты поступай по собственному усмотрению... Вот, кстати, и Игорь рассказал мне кое-что о своем предложении тебе. И я подумала, что, возможно, такой шаг позволил бы тебе снова ощутить себя на коне...

– А ты полагаешь, что я совершаю ошибку, продолжая работу в Генеральной? Это для меня новость, дорогая.

– Нет, я думаю совсем не об этом. Вероятно, каждый человек должен время от времени что-то менять...

– Женщин, к примеру...

– Турецкий, сейчас ты у меня получишь в глаз. И по мерзким твоим ручонкам – тоже! Я совершенно о другом. Ты никогда не будешь ни заместителем Генерального прокурора, ни самым генеральным, потому что не хочешь этого. Так что же, значит, достиг потолка? А тут тебе предлагают новую интересную работу, где с твоим опытом и знаниями...

– Мне все ясно, дорогая! Ты права, как прав и тот, кто тебе пел свои арии за столом. Я же не отказываюсь категорически, верно? Но подумать-то мне можно? Или и этот процесс вы хотите взять на себя? Смотри, как перестану думать, так пойду по бабам! Сама же и виновата будешь... Но ты другого не замечала... А это чрезвычайно важно.

– Что же именно пролетело мимо моего взора?

– А то, что большинство из здешних, по моим наблюдениям, полные импотенты. Или если еще не полные, то весьма перспективные в этом отношении. Так ты что же, и мне такой судьбы желаешь?

– Турецкий, по-моему, уж эта участь тебе не грозит никогда. По определению. Поэтому не забивай мозги чепухой, а думай о том, что у нас подрастает дочь, что я у тебя тоже хочу пожить на такой вот примерно вилле, поездить на острова, не отказывать себе в необходимом...

– Да, дорогая, – тяжело вздохнул Александр, – тут ты абсолютно права. И мой ернический тон не принимай во внимание. Просто я с этой публикой не могу разговаривать серьезно. Ты ведь не знаешь, а я-то знаю, что они не знают, что я знаю то, что знают обо мне они... Во выдал! Но и ты меня не выдавай, ладно? А я обещаю тебе подумать... Да, слушай, вы ведь плавали там, в бассейне?

– Я плавала, а какое это имеет значение?

– А Валерия, значит, на бережку сидела? Испортить прическу боялась?

– Тебе-то какое до этого дело, Турецкий? – подозрительно посмотрела на него жена.

– Нет, я просто подумал, что у них тут, наверное, личный парикмахер... на все случаи жизни...

– Вот именно, личный! – ядовито подтвердила Ирина. – Но меня теперь другое интересует. Почему это ты, супруг дорогой, замечаешь прически у кого угодно, кроме своей законной жены? Он ведь и мне, между прочим, укладку сделал сразу после купания! И бесплатно! Вот так! Такой симпатичный мальчик! И какой талантливый! А руки!.. Просто золотые!

– Ну да, конечно... Нет, то, что ты здесь самая красивая, это я сразу отметил, вот только сказать не успел. И вообще, если честно, куда им всем до тебя, дорогая!

– Ох, какой ты все-таки, Турецкий! И откуда у меня столько терпения?! Сама не понимаю...

– Вообще-то, по правде говоря, я тоже... с трудом понимаю...

9

Он прилетел неожиданно. Маленький, раскрашенный в оранжево-розовые, праздничные цвета самолетик высоко в небе, прямо над поселком, сделал круг и стал взбираться еще выше...

Но прежде чем он появился, в застолье тучей саранчи налетело младшее поколение. Раздался приближающийся оглушительный рев мотоциклетных моторов, он был слышен и раньше, но издали, и потому на него никто и не обращал особого внимания. Молодежь развлекалась. На бордюре, как заметила еще раньше Ольга. А бордюр – это, оказывается, так у них тут называют кольцевую асфальтовую дорогу по внутреннему периметру кирпичной ограды. Есть и второй бордюр, он проложен с внешней стороны, но там они устраивать свои гонки не любят. Причину объяснил Игорь, когда сидели в парилке.

Дело в том, что за жизнью поселка Солнечный весьма ревниво наблюдают местные деревенские жители. Правильнее сказать, немногие оставшиеся в тех разоренных старых деревнях, которых тут было при советской-то власти больше десятка, а теперь всего три и осталось, и в каждой – несколько изб, да и те на ладан дышат. Это если говорить про коренных жителей. Но есть также и приезжие. Некоторые, к примеру, из ближнего зарубежья, где совсем уже русским жить не стало. Такие вселялись в заброшенные дома, восстанавливали их, но, к сельскому хозяйству тяги не имея, предпочитали «челночный» промысел или торговлю в близлежащих районных городках. Опять же и городские приглядывали себе здесь подходящие участки под дачи, рушили старье и возводили на пустырях щитовые времянки. Другие строили кирпичные владения. Словом, всяк пыжился на свой лад, исходя из толщины кошелька и личных архитектурных амбиций. Не замки, конечно, как в Солнечном, но жить можно. А почему нет?..

Так вот, у всей этой разношерстной публики почему-то именно Солнечный, хотя подобных поселков по области нынче пруд пруди, вызывал особую какую-то неприязнь. Может, потому, что залезть и украсть ничего нельзя. А как это – видеть рядом с собой, почти в руках держать и – не взять? Обидно до слез. И в охранники никого из местных жителей не брали. Секьюрити привозили специальными автобусами из Москвы, они сами охраняли «периметр», ни с кем знакомств не вели, в гости не звали, хотя всем известно было, какие красоты и удовольствия имелись за этой стеной. Ну, будто из другого государства люди жили, ничем в округе, кроме своих удовольствий, не интересуясь. А разговоры между тем шли разные...

Еще когда только начинали строительство поселка, местные власти каким-то образом умудрились назвать исконные пахотные колхозные земли бросовыми, никому не нужными. Какие им за такое решение деньги отвалили московские банкиры, оставалось только догадываться. Но что отвалили – факт! Наученный постоянным государственным грабежом, народ умел считать уже и в долларах, и, главным образом, в чужих карманах. Стало быть, прикидывал стоимость сотки драгоценной своей земли, к которой хотя и сам не имел никакой охоты руки прикладывать, но, как та собака на сене, не желал и отдавать угодий, где еще деды трудились, за так, то есть безвозмездно для себя. Начальство на то оно и начальство, чтоб руки греть на твоей правовой беспомощности. Это и ежу понятно. Если бы, к примеру, поделились, ну тогда, может, у местных жителей иные бы отношения с банкирами сложились. Но никто ни с кем, естественно, делиться не хотел и на призыв известного экономиста времен перестройки не откликался. Поскольку ни за высокой оградой, ни по другую ее сторону, среди районного начальства, дураков не было. Зато как бы подзабытая классовая ненависть, она всегда где-то рядышком, только позови.

Ну и вот, значит, когда шло строительство и ни о какой такой стене даже и речи не было, местный люд частенько навевывался на стройплощадку.

Дивились на невиданную в здешних краях технику, совсем чуждых рабочих в немаркой и красивой одежде, ни черта не понимавших по-русски, кроме двух-трех широко известных

матерных выражений. Смотрели, как растут дома, подводятся под крыши. Как огромные деревянные срубы обкладывают фигурным красным кирпичом, доставленным сюда в целлофановых упаковках. Будто пиво какое... Вообще, все здесь было необычно и интересно. К примеру, если кинуть в окно сквозь кованую узорчатую решетку бутылку с зажигательной смесью, что в народе названа «коктейлем Молотова», как станет гореть? Сразу все займется или только внутри будет выгорать? А на другие дома перекинется? Или всякий раз придется по-новому начинать? Серьезные шли разговоры, вдумчивые и по-местному, по-крестьянски, неторопливые. Да и куда торопиться-то? Куда бежать? Еще ведь и не обжились хозяева-то! Всему свое время... А что такое время опять настанет, никто и не сомневался. И в газетах про то пишут, и сказано же, что мир по спирали развивается, так вот она, спираль, и вернет все однажды на круги своя. Куда денется, обязательно вернет...

Да, не любили здесь пришлых богатеев. А за что их уважать? Деньги у них ворованные, никто и не сомневался. На чужой беде райскую жизнь себе соорудили. Чего их жалеть? Потому и пользовались случаем по возможности хоть мелко, но все же подгадить. Отработки масляной на внешний «ихний бордюр» разольют. Это чтоб богатенькие сыночки на своих заграничных тархтелках поскорее башки себе поразбивали к чертовой матери. Либо гнутых гвоздей с той же целью понакидают, еще там чего «веселенькое» сочинят. А свидетелей-то и нет! Кого винить? Словом, шла ни шатко ни валко почти невидимая партизанская война, которую всегда держит в своей заначке вечно чем-то или, вернее, кем-то обиженный русский мужик.

Такая, значит, история...

Покачал головой Турецкий, выслушав своеобразную и совсем незамысловатую исповедь Игоря, подумал и остановился на том соображении, что и причины, и следствия суть дела рук самого человека. И совсем не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, откуда возникло взаимное неприятие, которое при определенных обстоятельствах может обернуться большой печалью... Дай Бог, чтобы этого, однако, не случилось.

Вообще-то, в не такие уж и добрые старые времена вожди враждующих племен, когда им и в самом деле осточертевала постоянная война, находили возможность замирения. У одного дочка, у другого сын, вот тебе и семейная пара. Ну а у родственников какие после этого взаимные претензии? Не идеальный вариант, но все же... А вот навскидку, как говорится! Согласится ли тот же Игоряша выдать свою Светку за какого-нибудь деревенского парня? Да ни в жизнь! Ибо нет в их мире ничего такого, что могло бы соединить несоединимое. Разве что в порядке особого исключения? Но оно, это исключение, даже и не просматривалось.

К той же мысли Турецкий возвращался и позже, во время застолья. Когда приходилось невольно наблюдать за многочисленными хозяевами этой жизни, слушать их серьезные разговоры, ловить случайные реплики, догадываться, о чем они думают, понимать, какие их обуревают заботы... Нет, верно замечено, что у каждого в конечном счете свое горе, своя беда: у кого жемчуг мелкий, а у кого щи пустые...

И тут налетела «саранча».

С грохотом, свистом, вроде и подметено кругом, но все равно откуда-то навалились клубы пыли и мотоциклетных выхлопов. Не спрашивая и не советуясь, молодежь, одетая поголовно в кожаные одежды, с мотоциклетными ярко разрисованными шлемами в руках, быстро и безалаберно заняла противоположную половину стола и с яростью оголодавших дикарей накинулась на пищу, разом перечеркнув все старания официантов и устроителей праздничного стола.

Эта орава в буквальном смысле смела с блюд и тарелок все, что еще могло представлять гордость кулинарного искусства. И родители с восторгом наблюдали за буйным варварством. Из чего сам собой напрашивался вывод, что в Солнечном – в полном соответствии с недавним еще, замечательным советским лозунгом – все лучшее действительно принадлежало детям. Ну а дети старались всячески оправдать свое высокое предназначение в жизни. Тем более что,

судя по их, мягко выражаясь, безбашенному поведению, им многое позволялось. Если вообще не все.

Как-то само собой получилось, что взрослые сочли за лучшее оставить детей за столом одних. Пусть насытятся и займутся снова своими делами. И пара зажаренных на вертеле барашков исчезла в буквальном смысле в мгновение ока. Единственное, чего им не было дозволено, это крепких спиртных напитков. Зато вина не жалели. Странно, думал Турецкий, это ведь только кажется, что вино легкое. Он попробовал одно, другое, тем более что от навязчивых услуг виночерпиев в черкесках отказаться было даже как-то неловко. И теперь чувствовал приятную слабость в коленках. А потому принял решение в дальнейшем не экспериментировать, а обходиться привычными напитками, благо и их было вдоволь. Но ведь ребята сейчас напьются, а потом сядут опять на свои мотоциклы, и что дальше? Нехорошо... Он уже и Игорю собрался об этом сказать, но тот сам позвал его и Ирину, чтобы, как понял Александр, познакомить наконец со Светланой. Рядом с Игорем стояла высокая, красивая девушка с длинными русыми волосами и задорно вздернутым носиком. Наверное, в мать, ибо у Игоря над верхней губой нависал совсем не российский шнобель, как необходимейший атрибут успешной банковской деятельности. Хотя никакого отношения, насколько помнил Александр, Игорь к выходцам из «земли обетованной» вроде не имел. А может, тогда так надо было говорить. Все-таки фамилия Залесский не очень славянская.

Игорь, вероятно, уже сказал дочери, с кем собирается ее познакомить, и та смотрела на чету Турецких с неподдельным интересом.

Но сам процесс знакомства оказался кратким и совсем неинтересным, потому что не успели и парой фраз перекинуться, как Светлану громко позвал один из упакованных в черную кожу парней.

– Вон, твой Найк надрывается! – с откровенной недоброжелательностью заметила Валерия. – Господи, неужели ты начисто лишена всякого вкуса? Я уж не говорю об элементарной девичьей гордости...

Это, конечно, удар в самую десятку, подумал Турецкий, вспомнив, где совсем недавно находилась его рука. Он отвернулся, пытаясь скрыть ухмылку. И никто этого не заметил. Кроме Светки, которая вдруг лукаво посмотрела на него исподлобья и осторожно прыснула в кулачок. Вот молодец девка! Турецкий даже обрадовался, неожиданно встретив такое тонкое понимание сути момента. Надо будет обязательно поговорить с этим умным ребенком. Хотя какой ребенок! Пятнадцать девушке. А по нынешним законам ее уже год назад можно было замуж выдавать. В какой-нибудь Азии. А впрочем, там и гораздо раньше их судьбы решают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.